Новое
в жизни,
науке,
технике

Подписная
научно-
популярная
серия

4'91

Философия и жизнь

О смерти и бессмертии

НОВОЕ В ЖИЗНИ, НАУКЕ, ТЕХНИКЕ

ПОДПИСНАЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ СЕРИЯ

ФИЛОСОФИЯ И ЖИЗНЬ

4/1991

Издается ежемесячно с 1960 г.

О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ

Читайте в этом номере:

П. С. Гуревич

ЖНИЦА С КОСОЙ

(Жизнь после смерти)

ДИАЛОГ ВРЕМЕН И НАРОДОВ

БАНК ФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ

СТРАНИЧКА ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

МОСКВА ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ» 1991

ББК 87.3
О 11

Автор и составитель ГУРЕВИЧ Павел Семенович, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии АН СССР.

Редактор: *Л. К. КРАВЦОВА.*

О смерти и бессмертии. — М.: Знание, 1991 —
О 11 64 с. — (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Философия и жизнь»; № 4).
ISBN 5-07-001888-4
25 к.

Что такое смерть? Верно ли, что человек многократно живет на земле? Каков смысл символики смерти в разных культурах? Автор пытается ответить на эти фундаментальные вопросы человеческого существования. Особое внимание уделяется новейшим открытиям ученых в этой сфере познания. В брошюре приводятся суждения философов разных эпох, отрывки из теоретических исследований, а также мнения по этому поводу наших читателей.

0301030000 ББК 87.3

ISBN 5-07-001888-4

П. С. ГУРЕВИЧ

ЖНИЦА С КОСОЙ

(Жизнь после смерти)

Предисловие

Кошмар смерти всегда преследовал людей. Он порождал специфические представления о трагизме жизни. «Смерть не имеет образа,— говорит байроновский Люцифер,— но все, что носит вид земных существ, поглотит»[1]. Конечность человеческого существования неотвратимо ставит вопрос о смысле земного удела, о предназначенности жизни. Несомненно, проблема смерти относится к числу фундаментальных, затрагивает предельные основания бытия...

Однако в нашей культуре* эта тема до недавнего времени была запретной. В тоталитарном обществе, где в пыточных подвалах и огненных печах исчезали миллионы людей, не смолкала победная здравица жизни. Согласно авторитарным канонам смерть должна была отступить под натиском жизнеспособных сил...

Само понимание смерти в общественном сознании в условиях тоталитаризма обретало скорее языческий, нежели христианский, смысл. Она вступала в свои полномочные права только тогда, когда уходил Вождь. Погребальное событие подчас получало почти мифологическое звучание. Для праха В. И. Ленина был построен Мавзолей. Родственники Максима Горького просили отдать им хоть немного пепла для захоронения писателя по христианскому обычаю: Политбюро отказало им. Усопший принадлежит-де только государству, становится символом... Смерть должна была отступить перед языческим увековечиванием, т. е. перед внесением в вечную гробницу...

В те годы смерть воспринималась, как нечто неотвратимое и в то же время недостойное внимания. Когда в западных странах появились первые серьезные исследования, посвященные проблемам смерти, советские ученые подвергли

---

* Здесь и далее: пояснения к словам, помеченным «звездочкой», см. в «Словаре терминов» в конце брошюры.

их разносу. Помню, как видного советского реаниматора попросили прокомментировать книгу американского исследователя Раймонда Муди «Жизнь после жизни», объяснить странные феномены агонизирующего сознания. Наш авторитетный специалист ответил однозначно: «Ничего подобного с советским покойником не происходит». Вероятно, это надо понимать так: отечественный усопший на голову выше зарубежного...

Сейчас тема смерти перестала быть запретной. Все чаще предлагают объединить усилия специалистов (медиков философов, культурологов, психологов). Казалось бы, все встает на свои места... Но при этом ученые и публицисты говорят в основном о том, чтобы дополнить изучение традиционных проблем (человеческое существование, свобода, смысл истории) еще одной темой (темой смерти), как бы замыкающей множество других. С такой постановкой вопроса трудно согласиться. Тема смерти отнюдь не заурядная. Это фундаментальная проблема бытия. Прав был Артур Шопенгауэр, который считал, что наша жизнь заключает в себе все ужасы, трагедии, а смерть рождает философию...[2]

В правильности этого вывода нам приходится убеждаться все чаще и чаще. Бурные споры вызвало предложение похоронить В. И. Ленина согласно христианскому обычаю и его прижизненной воле. Многие усмотрели нечто кощунственное даже в самом обсуждении этой темы. Теперь прозвучало еще одно предложение: увековечить память тех, кто пришел к нам как недруг во время войны и погиб на нашей земле. Пускай по крайней мере стоит крест с фамилией и именем. Но ведь эти погибшие шли к нам с войной... Стоит ли нам чтить их память? Воспитанные в духе тоталитаризма, мы с трудом осознаем ценность христианских заповедей, универсальных человеческих законов. Между тем древние верно подметили: по крестам, погребальным курганам и символике смерти можно судить не только об ушедшей культуре, но и о том, какие люди прошли по земле...

Итак, именно конечность земного существования заставляет размышлять о смысле жизни, об иерархии ценностей, о предназначении человека. Что же такое смерть? Правда ли, что, как полагал байроновский Люцифер, только она дает высшее познание? Действительно ли человек много раз является на землю в различных телесных облаче-

ниях? Может ли умерший воспринимать подлунный мир? Эти вопросы широко обсуждаются сегодня в западной философской литературе. Они волнуют и наших исследователей.

Вечное безмолвие

...Нигде на нашей планете не покоится, вероятно, столько умерших, как на знаменитом кладбище в Южной Калифорнии. Даже Пискаревское кладбище в Ленинграде, которое тянется на много километров, не может сравниться с ним. Однако слово «смерть» объявлено здесь недозволенным. Никто не смеет назвать мертвецов мертвецами. Это абсолютно исключено, ибо оскверняет обычай. Усопших по традиции называют «возлюбленными». Их тела бальзамируют, натирают благовониями, наряжают в модные одежды, украшают цветами. Вечным «спутникам» и «подругам» косметическими средствами придают «здоровый», «приятный» облик, делают радостные улыбки.

Какие подсознательные чувства воплощены в этой традиции? Страх перед смертью, перед полным физическим уничтожением? Инстинктивное отвержение неизбежного распада? А может быть, патологически обостренный интерес к последней тайне? Или желание отыскать символические формы, позволяющие преодолеть ужас неизбежного?

Философы, которые обращались к теме смерти, нередко пишут о том, что в различных культурах эта тема переживалась по-разному. В иные эпохи страх смерти и вовсе отсутствовал: люди находили в себе силы противостоять угрозе физического уничтожения. Античные греки, например, учили преодолевать ужас небытия путем концентрации духа, усилием животворной мысли, воспитывать в себе презрение к смерти. Людей средневековья, напротив, предстоящая смерть доводила до исступления. Ни одна эпоха, как свидетельствует нидерландский историк и философ Йохан Хейзинга, не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие [1].

Если мы поставим вопрос: что служит основанием для того, чтобы сравнивать, как воспринимают смерть в различных культурах, эпохах, то обнаружится парадоксальная вещь. Как правило, сопоставляются обычно философские высказывания. «Ведь какое-то чувство умирания может быть

у человека,— пишет, например, Цицерон.— Все это мы должны обдумать еще в молодости, чтобы могли презирать смерть; без такого размышления быть спокоен душой не может быть никто; ведь умереть нам, как известно, придется — быть может, даже сегодня»[2]. Вот оно — презирать смерть... А средневековый мыслитель Мейстер Экхарт, напротив, пишет о том, как трудно дается человеку отрешенность от мирских благ... Выходит, было время, когда смерти не боялись, страх перед угрозой физического уничтожения был не всегда. Но в какой мере можно доверять философской мысли? Ведь нередко выраженное в суждении презрение к смерти как раз и отражает ужас перед нею.

Мне кажется, что страх перед смертью заложен в самой человеческой природе, в самой тайне жизни. Он изначален, т. е. коренится в глубинах человеческой психики. Однако в конкретной эпохе, через призму определенных духовных ценностей этот страх обретает различные преображенные формы. Вот они-то и находили отражение в стойких религиозно-практических установках. Культура постоянно воспроизводит жизненные ситуации, с которыми люди встречаются во все времена. Речь идет о проблемах долга, любви, жертвы, трагедии, героизма, смерти. Однако культура вовсе не движется по кругу, возвращаясь вновь и вновь к одним и тем же мотивам. В каждую эпоху эти ценности приобретают новое содержание, диктуемое не только постоянной, фиксируемой природой человека, но и социальной действительностью, в которой эта природа раскрывается. Точно так же проблемы смерти, хотя и преследуют человечество исстари, все же получают разное истолкование в различных религиозных традициях.

Каждая культура вырабатывает определенную систему ценностей, в которой переосмысливаются вопросы жизни и смерти. Она творит также определенный комплекс образов и символов, с помощью которых обеспечивается психологическое равновесие индивидов. Человек, разумеется, располагает отвлеченным знанием о факте неотвратимой смерти. Но он пытается, опираясь на существующую в данной культуре символику, сформировать более конкретное представление о том, что делает возможной полноценную жизнь перед фактом неизбежной гибели.

По мнению психологов, такая система начинает склады-

ваться в психике человека уже в раннем детском возрасте. Образ, который возникает в подсознании человека в связи с его рождением, когда плод отделяется от матери, позднее трансформируется в некий прообраз ужаса перед смертью. Индивид пытается преодолеть этот ужас. Он ищет способы уйти от тленья, увековечить себя, постоянно ощущая присутствие смерти.

Писатель Андрей Платонов в одном из своих рассказов заметил, что смерть не однажды посещает человека. Вот почему образ неотвратимой судьбы многократно воздействует на психику. Человек знает, что он смертен, но реальный опыт получает только в момент кончины. В результате даже в сознании одного человека система образов, поддерживающих земное существование индивида, постоянно преображается, перестраивается.

Выживание человека предполагает, что в его психике закрепляются символические образы, которые позволяют наполнить земное существование смыслом. Это психологическое равновесие приходится все время поддерживать, подкреплять. Такая потребность присуща не только отдельному человеку. Культура в целом тоже может войти в состояние разлада и сумятицы, разрушить присущее ей философско-гармоническое восприятие жизни и смерти. Когда возникает опасность для жизни отдельного человека или целого народа, образы символического бессмертия становятся более четко выраженными, обостренными, интенсивными.

Но можно ли каким-то образом типологизировать различные формы отношения к смерти? Безусловно. Сравнение мировых религий, далеких культур показывает, что черту между жизнью и смертью люди воспринимают по-разному. Считают, например, что между земной и загробной жизнью нет никакой разницы, но полагают также, что такая разница есть. В то же время различение подлунного и иного бытия принимает разные формы. Попробуем проиллюстрировать это на примере различных культур.

Отношение к смерти в древних культурах носит в основном эпический характер, т. е. она не воспринимается как личная трагедия. Кончина человека толкуется как закономерное завершение определенного жизненного цикла. Лирические и трагические акценты еще отсутствуют. В качестве исключения можно назвать, по-видимому, эпос о Гильгаме-

ше — полулегендарном правителе г. Урука в Шумере (XXVIII в. до н. э.).

Хозяин города поначалу счастлив. Это существо создано Богом по особому проекту. На две трети он божество, а на одну треть — человек. Гильгамеш успешно побеждает великанов, которые вступают с ним в борьбу. Он кажется непобедимым, с помощью своего друга Энкиду Гильгамеш убивает великана Хумбабу. Это порождает в душе героя уверенность в том, что он во всем равен богам. Он становится дерзким и даже отказывается от любви богини Иштар. Этот поступок приводит к трагическим последствиям.

Раздосадованная богиня насылает на Гильгамеша небесного быка, который должен убить героя. Но смельчак находит неожиданный выход и остается невредимым. Тогда боги насылают беду на его друга. Тот заболевает и уходит из жизни. Гильгамеш не может понять, что же случилось с его наперсником. Он еще не знает тайны смерти. Но мудрец объясняет ему, что земные люди не вечны. Рано или поздно они уходят из жизни. Это откровение оказывает на Гильгамеша сильное воздействие. Он не может смириться с предопределением судьбы. Так эпически-спокойное восприятие смерти («боги не умирают, а я — божество») разрушается муками индивидуально-трагического истолкования последнего часа.

Древний шумерский миф историки культуры оценивали по-разному. Одни видели в нем преображение животного, инстинктивного чувства в акт человеческого осознания бытия. До этого события, получившего мифологическое выражение, вынуждены постоянно считаться с угрозой полного исчезновения. Нота смирения пронизывает сказание. Хотя с помощью зелья душа Энкиду возвращается на землю, это продолжается недолго. Из преисподней нет пути назад. Такой конечный вывод древнего сказания.

Многочисленные и разнохарактерные представления о смерти, которые сложились в мировой культуре, можно, по-видимому, в известной мере разделить по каким-то признакам. Выделим прежде всего дохристианские и христианские воззрения. Отметим также, что восточные культуры в отличие от западных сохранили в себе веру в оригинальную силу космологий, религиозных и философских систем, в которых смерть не рассматривается как абсолютное заверше-

ние существования. Присущие им концепции посмертного бытия имеют весьма широкий спектр, включающий в себя спектр представлений — от высоких состояний сознания до конкретных образов другого мира, напоминающего земную жизнь. Во всех этих верованиях смерть не отождествляется с полным исчезновением индивида. (В западной культуре такое представление не было универсальным.) Христианство признавало конечность индивидуального существования. Массовое воскрешение трактовалось лишь как завершение земной истории.

История человеческой цивилизации содержит волнующую летопись многочисленных попыток древнейших культур сохранить жизнь и избежать смерти. Во многих культурах предполагалось, что каждый может должным образом подготовиться к смерти, если он при этом обретет нужное знание о процессе умирания. В литературных памятниках, известных как «Книги мертвых», излагается детализированное описание смерти и руководства по поводу того, как сделать процесс умирания более полным (неподготовленный человек сопротивляется смерти и оказывается в промежуточном состоянии) и последовательным. Наиболее известные из этих произведений — Египетская Книга мертвых и Тибетская Книга мертвых. Однако подобные тексты существовали и в индийских, мусульманских и других традициях.

Восприятие смерти в культурах, где еще индивид не выделился из племени, из рода, естественно, отличается от истолкования этого феномена там, где господствует персоналистская идея (идея личности). В тех обществах, в которых процесс индивидуализации зашел не очень далеко, конец индивидуального существования не оценивается как проблема, поскольку слабо развито само ощущение индивидуального существования. Смерть еще не воспринимается как нечто радикально отличное от жизни.

Совсем иначе оценивается смерть в тех культурах, где осознается ценность, суверенность и уникальность личности. Здесь хрупкость земного бытия воспринимается трагически, пронизывает всю человеческую субъективность, т. е. мир его переживаний, внутренних состояний. Однако на Востоке, где личность не воспринималась как некая обособленность и персоналистская идея отсутствовала, тем не менее фиксируется глубокая медитация *, предельное духовное со-

средоточение на проблеме смерти. Почему так произошло?

Как правило, взгляды на смерть тесно связаны с религиозными воззрениями. Нельзя, например, представить античного, индуистского, мусульманского, христианского человека и его воззрения на смерть, не выяснив предварительно, что являли собой верования египтян, греков, мусульман, индийцев или христиан.

Некоторые древние религии допускали, что между земным и посмертным существованием нет никакой разницы. Однако эта общая констатация имела все-таки оттенки. В одном случае предполагалось, что здесь, в подлунном мире, все так же, как и в потустороннем. В другом — (взгляд бросался как бы «оттуда») допускалось, что в том посмертном существовании ничего не меняется по сравнению с земным. Иначе говоря, жизнь земная и последующая не разделялись, но акцент делался все же на то обстоятельство, что является изначальной точкой отсчета — этот или тот мир. («Там» так же, как «здесь», «здесь» так же, как «там».)

В древнекитайском сознании, например, факт смерти оценивался как нечто, не имеющее глубокого бытийственного значения. Иначе говоря, если человек умер, никакой трагедии в этом нет. Он все равно остается среди живых, но уже как усопший. Здесь так же, как и там. Мертвый уходит от живых условно, в каком-то ограниченном смысле. Он нас не покидает. Мир плотно заселен «живыми мертвецами». Они перешли в другое состояние, но не ушли в иной мир. Вот почему в этой культуре символика смерти носила земной характер. За богдыханом (императором Китая) повсюду следовал гроб, который считался атрибутом его земного существования. Заблаговременная подготовка могилы для престарелых родителей считалась актом заботы и милосердия. Покинув часть земного мира, усопший отправлялся к другим людям, которые умерли раньше, но все же никуда не исчезли. Отсюда культ предков, который весьма характерен для этой культуры.

Не разделяли земной и потусторонний мир и египтяне. Но они, скорее, подчеркивали сходство загробного мира с подлунным: там так же, как здесь. Смерть считалась прелюдией к загробному бытию. Египтяне возлагали надежды на нетленность тела того человека, власть которого была нерушимой при жизни. Телесность, по их представлениям,

оставалась нерушимой. Культ мертвых составлял важнейшую характеристику египетской культуры. Искусство бальзамирования и мумифицирования, строительство грандиозных гробниц, увековечивание памяти ушедших — все служило одной цели: обеспечить символическое бессмертие. Еще в эпоху Древнего Царства (XXIX—XIX вв. до н. э.) египтяне полагали, что души умерших соединяются со звездами. Каждую ночь душа усопшего вновь поселяется в теле, покидая ради этого звезду...

По имеющимся данным, в истории человечества две культуры обнаружили особенно острый интерес к смерти и процессу умирания: культуры египтян и тибетцев. Тогда разделяли глубокую веру в то, что сознание продолжает жить после физической смерти. Они предлагали хорошо разработанные ритуалы, позволяющие как можно легче перейти в новое состояние, вычерчивали сложные схемы, в которых отражали странствия души.

Египетская Книга мертвых — коллекция молитв, магических звучаний и мифологических историй, которые относятся к смерти и загробной жизни. Материалы этих текстов разноречивы. Они отражают исторический конфликт между двумя сильными религиозными традициями — жрецами Бога Солнца и последователями Озириса. (В древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскрешающей природы.) С одной стороны, они предлагают священное знание, позволяющее обеспечить вечное благословенное существование под сенью солнечного божества, вместе с ним странствуя по кругу. С другой стороны, тексты отражают традицию древнего Бога смерти, который, согласно легенде, был убит своим братом Сетом. После возрождения он стал правителем другого мира. Согласно этой традиции мертвые ритуально отождествляют себя с Озирисом и никогда не могут вернуться к жизни вновь.

Итак, в древнекитайской и древнеегипетской культурах жизнь и смерть в известной мере уравнены. Здесь нет и намека на то, что жизнь — это благо, а смерть — зло. Оба мира равноценны, хотя и разделены некоей чертой.

Иначе оценивается эта проблема в индийском религиозном сознании. Согласно буддизму все существа берут свое начало в Брахмане, безличном абсолютном духовном начале, из которого возникает мир. Брахман лежит в основе всего

существующего. Все в конечном счете должно вернуться к нему. Поэтому смерть лишь переход от низшей ступени к высшей, продолжающейся с тех пор, пока дух не достигнет наконец такой степени чистоты и совершенства, чтобы войти в мировую душу, к чему стремится все существующее на Земле. Мировая душа — это отражение всего бытия, мировой дух — активное, созидательное начало души.

Однако достойны этого лишь те, кто откажется от всяких чувственных наслаждений, кто в своем стремлении к святости отрешится от материального мира, умертвит плоть, разобьет оковы, отягчающие его душу. А таковы одни брамины. Тот же, кто вопреки священным законам противится вечному, божественному, после смерти подвергнется адским мукам Душа его в зависимости от степени греховности соединится путем нового рождения с более или менее низменным существом и принуждена будет странствовать, не находя себе покоя в юдоли печали до тех пор, пока не обретет вечное успокоение в царстве Брамы.

В отличие от христианства, где отпущение грехов, достижение вечного блаженства связывали с божественным милосердием, брамины полагали, что только сам человек может искупить свои грехи, только собственными силами может добиться прощения. Отвергнув идею бессмертия тела, индусы придерживались концепции бессмертия души. Тело для индусов всегда презренно и должно быть предано огню тотчас же после смерти. Бессмертная же душа перейдет в новое тело, и этот процесс будет все повторяться и повторяться, пока душа не исчезнет и не сольется с душой вселенской. Идея беспрерывного перерождения, возвращения человека на землю в новых телесных облачениях и составляет смысл идеи реинкарнации, т. е. многочисленных возрождений души.

Из учения о переселении душ следовали строгие предписания о покаянии. Куда бы ни обратил свой взор вечно трепещущий индус, и на этом и на том свете его ожидала суровая кара. Всякое живое существо жаждет освобождения. Для индуса его не существовало. Разумеется, в принципе индус мог, совершенствуя себя, стать брамином, но это не определяло в последней степени его последующую карму. Жизнь была для него бесконечным паломничеством, полным горьких разочарований, ужасных страданий, непо-

сильных обязанностей, без ободряющей надежды на то, что «вечно движущееся колесо» когда-нибудь остановится без одухотворяющей силы любви, без благородной поддержки сострадания, и даже смерть не гарантировала избавления от мучений. Впоследствии самоубийство сделалось даже религиозным долгом. Итак, в индийском мироощущении земной и загробный мир разделены, но предпочтение отдается не жизни, а смерти.

Древние евреи принимали факт смерти реалистично и были способны примириться с мыслью о прекращении индивидуальной жизни. Иудеи полагали, что личность человека раздвоена, поскольку имеет некую тень, представляющую собой бледную и внетелесную копию индивида. После смерти эта тень спускается под землю, где в мрачных покоях обретает грустное и мрачное существование. Предполагалось, что Яхве оденет в плоть разбросанные кости, оживит мертвых для новой жизни. Поэтому рай рисовался обителью блаженных, ад же, напротив, был средоточием грязи и навоза.

В кабалистической* традиции евреи развили учение о переселении душ. В устной передаче религиозных заповедей говорилось о том, что душа Адама перешла в Давида, а потом «вдохнется» в мессию, т. е. в ниспосланного Богом спасителя (царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в.— около 950 г. до н. э.). Странствия души прихотливы, она может принять телесную оболочку животного, превратиться в листья деревьев и даже камни. При этом в древнееврейской традиции человек трактуется не только как природное, но и как сверхприродное существо, которое находится в живом и трепетном контакте с богом. Поэтому возникает и новая интерпретация смерти. Иудеи утешали себя ожиданием того царства счастья и справедливости, к которому должно в конце концов прийти человечество. В целом же эта концепция отличается пессимизмом, и жизнь и посмертное существование выглядят в ней безрадостно.

Христианство сделало смерть нереальной и пыталось освободить несчастного человека от угрозы уничтожения обещанием жизни после смерти. Но вместе с тем рождается острое переживание собственного личного бытия. Ощущение индивидуальной неповторимой судьбы, естественно, было со-

пряжено с трагическим смятенным ощущением завершения уникальной жизни.

Представление о том, что земная и посмертная жизнь разделены роковой чертой, получило развитие в исламе. При этом божественное выступало как весьма зыбкий идеал. Единственной реальностью, которой владеет человек, оказывалась именно подлунная жизнь, потустороннее существование. Если христианин, зная о том, что он принадлежит к грешному, падшему миру, в то же время был убежден в том, что он может осуществить прорыв к лучшей доле, мусульманин, напротив, был лишен такой перспективы и тяготел к земному порядку, он считал, что смерть — это гибель души и тела.

В целом можно сказать, что древние культуры, как и современные незападные традиции, исходили из того, что процесс умирания неизбежен и является неотъемлемой частью человеческого существования. Сама тема смерти оказывала глубокое воздействие на религию, мифологию, искусство, философию.

В Новое время в европейском сознании произошел радикальный переворот в осмыслении данной проблемы. Технический прогресс стал платой за глубочайшее отчуждение от фундаментальных биологических аспектов существования.

Романтизация смерти

В Новое время в осмыслении смерти в европейском сознании господствует иная традиция — пантеистическая, отождествляющая бога и мир. В этих концепциях, которые складывались еще в мистике * средних веков, а затем в натурфилософии* эпохи Возрождения, господствовали натуралистические тенденции, растворявшие Бога в природе. Пантеистическая * традиция, пронизавшая творчество Спинозы, Гёте, Гегеля, отвергала возможность связи природного и сверхприродного через личность. Она приковывала внимание к жизни. Так, Спиноза подчеркивал, что «человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни»[1]. Смерть как некий феномен и человеческая реальность преодолевались странным образом: о ней просто перестали думать, сосредоточив мыслительные усилия на вопросах под-

лунного мира. Прагматизм * как философское течение видел в смерти не закономерное разрешение жизненного процесса, а поражение, болезненное напоминание об ограниченности нашей власти над природой.

Отныне внимание философов приковано к земному миру. «Признаем чистосердечно,— сообщает французский философ XVI в. Мишель Монтень,— что бессмертие обещают нам только бог и религия; ни природа, ни наш разум не говорят нам об этом» [2]. Однако кризис идеалов Просвещения привел к тому, что в европейской философии возникла тяга к прославлению культа эроса и не просветленных разумом бессознательных жизненных влечений. Особенно отчетливо это проявилось в творчестве Артура Шопенгауэра, Фридриха Ницше и Освальда Шпенглера.

К этому времени образованный западный человек в основном считал веру в сознательную жизнь после смерти, в загробные странствия души проявлением примитивного страха тех людей, которые не обладают научными знаниями. Истинная романтизация смерти, которая является вызовом жизни, начинается в новейшей западной философии у Шопенгауэра. Немецкий философ пытался создать единое воззрение на судьбы тела и души. Жизнь в системе его рассуждений оценивается как нечто такое, чему лучше было бы вовсе не быть. Земное существование, по его мнению,— это определенного рода промах и случайность.

Шопенгауэр убежден, что развитие космического цикла породило множество несчастий. А человек призван осознать катастрофичность этого процесса, чтобы осмыслить пагубность земного бытия. Философ доказывал, что существа низшей организации блаженнее человека. Ведь они лишены сознания, поэтому и не ведают, что мир дурен, губителен. Откуда взял Данте материал для своего ада? — спрашивал Шопенгауэр. И отвечал: разумеется, из нашего действительного мира. Когда же, наоборот, перед Данте возникла задача изобразить небеса и их блаженство, то он оказался в неодолимом затруднении именно потому, что наш мир не дает материала ни для чего подобного...

Животное, рассуждал Шопенгауэр, страшится смерти только бессознательно, инстинктивно. Оно не может выработать ясную картину физической гибели. Человек же не только отдает себе отчет в грядущем исчезновении. Он спо-

собен по этой причине страдать. Реальное ощущение предстоящего исхода усиливает его мучения. Вот почему, по Шопенгауэру, счастье ни в коей мере не может рассматриваться как цель человеческого существования.

Предположение о том, что человек способен обрести счастье, Шопенгауэр называет «пагубным заблуждением». Исходя из него, невозможно построить логичную картину мира. Она неизбежно будет полна противоречий. Но стоит перейти на противоположную точку зрения — увидеть цель нашей жизни в страданиях, как все парадоксы разрушатся. Все существование человека указывает, что страдание — его настоящий удел, жизнь неотделима от мучений. Появление наше на свет сопровождается плачем. Само бытие человека в сущности трагично, а более всего — исход. Во всем видна печать предопределения.

Где же выход? Шопенгауэр полагает, что на смерть надо смотреть как на главную цель. Ее тень неизбежно лежит на человеческой жизни. Немецкий философ полагал, что в момент смерти разрешается все, что подготовлялось в течение жизни. Итак, ожидание смерти, ее предчувствие, ее возвещение — вот на что способен разумный человек в отличие от животного. Только человеческая воля может отречься от жизни, отвернуться от нее. Такой поэтизации смерти не было ни в одной культуре. Ни один народ не считал смерть благом и не стремился перечеркнуть жизнь. Даже сторонники Будды не отвергали ценности самой жизни, полной различных превратностей и злоключений.

Шопенгауэр решительно отвергает идею личного бессмертия. Более того, считает, что настаивать на вечности самого себя все равно что укреплять заблуждение. Ведь каждый индивид не что иное, как «частная ошибка», «ложный шаг», «концентрация случайности», что-то такое, чему лучше вовсе не быть.

Проблемам смерти значительное внимание уделили и основатели и сторонники психоанализа: Зигмунд Фрейд, Карл Юнг, Эрих Фромм.

З. Фрейд пришел к выводу, что в человеке проявляется два основных стремления: тяга к жизни, более или менее идентичная сексуальному влечению, и инстинкт смерти, имеющий целью уничтожение жизни. Он предположил, что инстинкт смерти, сплавленный с сексуальной энергией, мо-

жет быть направлен либо против самого человека, либо против объектов вне его. При этом он полагал, что инстинкт смерти биологически заложен во всех живых организмах и, следовательно, является необходимой и неустранимой составляющей жизни вообще.

Современная культура, по мнению Фрейда, радикально переосмыслила проблему смерти. Люди гордятся своими достижениями и вроде бы имеют на это право. Но достигнутое господство над временем и пространством, подчинение сил природы, по словам австрийского психиатра, нисколько не уменьшило жажду наслаждений, которая присуща нынешнему человеку. Власть над природой не является единственным условием человеческого счастья. Зачем долгая жизнь, если она так тяжела, так бедна радостями и полна страданиями, что мы готовы приветствовать смерть как избавительницу? «Нас сколько угодно может ужасать определенная обстановка, в которой находились древние рабы на галерах, крестьяне во время тридцатилетней войны, жертвы священной Инквизиции, еврей во время погрома, но мы не сможем вжиться в душевный мир этих людей и постичь изменения, происшедшие в их восприимчивости по отношению к ощущениям наслаждения и неприятностей вследствие прирожденной нечувствительности, постепенного отупения, потери надежд или мягких форм дурмана» [3].

Эрих Фромм пытался уточнить фрейдовскую концепцию смерти. По его мнению, гипотеза о существовании инстинкта смерти обладает тем достоинством, что она отводит важное место разрушительным тенденциям, которые не принимались во внимание в ранних теориях Фрейда. Но биологическое истолкование стихии разрушительства не может удовлетворительно объяснить тот факт, что глубина этой потребности в высшей степени различна у разных индивидов и у разных социальных групп. Если бы предположения Фрейда, размышляет Фромм, были верны, следовало бы ожидать, что сила такого инстинкта, направленного против других или против себя, у всех людей оказалась бы более или менее постоянной. Однако наблюдается обратное: не только между различными индивидами, но и между различными социальными группами существует громадная разница в весе разрушительных тенденций.

Так, например, вес этих тенденций в структуре харак-

тера представителей низов европейского среднего класса значительно выше, нежели в среде рабочих или представителей социальной верхушки. Этнографические исследования познакомили нас с целыми народами, для которых характерен особенно высокий уровень разрушительности. Между тем другие народы проявляют столь же заметное отсутствие разрушительных тенденций — как по отношению к другим людям, так и по отношению к себе.

По мнению Фромма, стремление к жизни и тяга к разрушению не являются взаимно независимыми факторами, а связаны обратной зависимостью. Чем больше проявляется стремление к жизни, тем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции. Чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению. Как полагал Фромм, наша эпоха попросту отрицает смерть, а вместе с ней и одну из фундаментальных сторон жизни: «Вместо того, чтобы превратить осознание смерти и страданий в один из сильнейших стимулов жизни — в основу человеческой солидарности, в катализатор, без которого радость и энтузиазм утрачивают интенсивность и глубину,— индивид вынужден подавлять это осознание. Но как и при всяком подавлении, спрятать — не значит уничтожить. Страх смерти живет в нас, живет вопреки попыткам отрицать его, но подавление его приводит к стерилизации»[1].

Фромм подчеркивал, что среди людей есть биофилы и некрофилы. По мнению этого американского философа, врожденным стремлением всех живых существ вопреки тому, что думал Фрейд, является тяга к жизни, интенсивное побуждение сохранить свое существование. Биофильство трактовано американским исследователем как глубокая жизненная ориентация, которая пронизывает все существо человека. Но в современной культуре весьма отчетливо обнаруживает себя и другая тенденция — некрофильская, т. е. разрушительная. Некрофильство — тяготение человека к смерти.

Несколько лет назад в одном из американских журналов была напечатана заметка о том, как на глазах толпы умирал мальчик, оказавшись в зоне тока высокого напряжения. Подростка можно было спасти, но никто из очевидцев этой трагедии не ступил и шагу. Все были буквально

заворожены картиной мучительно длящейся агонии. Свидетели, как выяснилось, наблюдали за этим эпизодом и оценивали его так, словно все это многократно и в разных ракурсах уже развертывалось на домашнем экране.

Представим себя на минуту среди этой «зачарованной толпы». Поразмыслим неторопливо с необходимой внутренней сосредоточенностью. Как поступил бы каждый из нас? Вы лично? Проявили самостоятельность или уступили бы инстинкту стадности? Оказались способными к сострадательному поведению или окаменели бы в совершенном безразличии к непоправимой беде? А теперь откровенно, как на исповеди — не доставляют ли вам удовольствия сцены казни, мучений, агонии?

Газеты писали о том, как в США был создан клуб, где показывали фильмы для избранных. Демонстрировались документальные и художественные ленты, в которых жертва мучительно расставалась с жизнью. Садисты приходили «побалдеть». Для гурманов «кровавого зрелища» снимались особые ленты. Значит, так... Собирались палачи (все это снималось на пленку) и обсуждали, кого бы пристукнуть, но с наибольшим «художественным эффектом». Возникали кандидатуры, некоторые из них отклонялись по причине неполного соответствия «высоким некрофильским стандартам».

Наконец приискивалась страдалица, которая вполне годилась для волнующего палаческого зрелища. Но просто удавить — это неинтересно. На таком пути художественные ленты не рождаются. Обдумывались планы замедленного убийства, которое позволило бы заглянуть жертве в глаза, ощутить ее предсмертный ужас, не пропустить последнее дыхание... Еще хорошо бы жертву после длительных терзаний чуть-чуть оживить и опять начать все сначала...

Некрофил — антипод жизни. Его неудержимо влечет ко всему, что не растет, не меняется, ко всему механическому. Но движет его поведением не только тяга к омертвелому, но и стремление разрушить зеленеющее, жизнеспособное. Поэтому все жизненные процессы, чувства, побуждения он хотел бы опредметить, превратить в вещи. Жизнь с ее внутренней неконтролируемостью, ибо в ней нет механического устройства, пугает и даже страшит некрофила. Он скорее расстанется с жизнью, нежели с вещами, собствен-

ностью, поскольку последнее обладает для него наивысшей ценностью.

Так как же распознать некрофила? Фромм разъясняет: некрофила влечет к себе тьма и бездна. В мифологии и в поэзии его внимание приковано к пещерам, пучинам океана, подземельям, жутким тайнам и образам слепых людей. Глубокое интимное побуждение некрофила вернуться к ночи первоздания или к праисторическому состоянию, к неорганическому или животному миру. Он, как подчеркивает американский философ, ориентирован на прошлое, а не на будущее...

Некрофильская персонификация обладает не меньшим воздействием на сознание людей, нежели иная, скажем биофильская. Нужны доказательства? Вспомним-ка «Страдания молодого Вертера». Сколько молодых людей свели счеты с жизнью по рецепту юного героя... А в наши дни? Многочисленные телевизионные ленты рисуют картины универсальной катастрофы. Выжженная земля. Внезапно прерванные жизни. Адовы муки... После убийства президента Кеннеди массу людей, как свидетельствуют западные авторы, нельзя было оторвать от экранов телевизоров, пока передавались все детали убийства и траурных церемоний. Через несколько дней, когда телестудии вернулись к своим обычным программам, многие испытали чувство странной пустоты. Аналогичное явление зафиксировали и советские психологи в те годы, когда траурная музыка три года подряд сопровождала очередной уход из жизни ведущих политических лидеров той поры...

В патриархальной, доперсоналистической культуре смерть не воспринималась как неслыханная и жуткая катастрофа. В традиционной культуре крестьяне знали о цикличности всего бытия. Традиции помогали найти психологическую опору в естественном процессе жизни и смерти. Сельское кладбище было частью общего уклада. Мертвые оставались среди живых. Современная индустриальная культура разрушила эти вековые установления. Над покойным смыкаются волны забвения. Память безжалостно вычеркивает его. В результате ощущение полной и бессмысленной трагедии становится для человека невыносимым. Не в том ли разгадка тех психологических деформаций, которые сопряжены сегодня с угрозой смерти?

Несомненно, патриархальная культура приемлет факт смерти откровеннее, трезвее и органичнее. Возможно, в современном сознании нарушены какие-то традиционные психологические механизмы, которые служили опорой человеку. Калифорнийское кладбище, о котором мы упоминали, — своеобразная эмблема «забвения» смерти. Здесь нет мужества назвать мертвеца мертвецом. И завет иной — забудь о смерти...

Как ведет себя человек, когда он сталкивается с ситуацией беспощадной, психологически непереносимой? Какие защитные механизмы обнаруживают свое действие? Психологи столкнулись со многими явлениями, свидетельствующими о бессознательной автоматике поведения в условиях катастрофы. Здесь и особое состояние «зачарованности смертью», навязчивое стремление к образам гибели и разрушения, и потеря чувства собственного «я».

Люди, пережившие тяжелейший опыт катастрофы (Чернобыль, армянское землетрясение, национальные стычки) нередко теряют представление о собственной идентичности. Оставшиеся в живых испытывают побуждение отождествить себя с мертвыми, со «злым взглядом» неведомой силы. После армянского землетрясения на советском телевидении прошло немало репортажей. Показывали развалины, спасательные работы, безмерное горе. Но вот парадокс: никто не обратил внимания на тот факт, что в хронике не было ни одного «обычного человека» среди тех, кто пережил землетрясение. Иначе говоря, каждый прошедший через опыт катастрофы пережил и кризис личности. Он действовал автоматически, в состоянии полного психического омертвения. Выявился психологический синдром, описанный американским исследователем Р. Лифтоном и подтвержденный самими жертвами.

Современная культура, как отмечают многие исследователи, фатально заражена некрофильскими, разрушительными тенденциями. Уничтожение окружающей среды, усиление садистских поползновений, тяга к механической омертвелости — симптомы этого диагноза. Есть ли выход? Возможно ли устранение опасных катастрофических явлений? Вывод ряда специалистов прост: проблема состоит в том, чтобы переосмыслить столь фундаментальную тему, как смерть...

Тайна иного бытия

В середине 70-х гг. западные, прежде всего американские, исследователи сделали поразительное открытие. Врачи-реаниматоры обнаружили, что люди, возвращенные к жизни после клинической смерти, обладают непостижимым опытом. Они способны рассказать о том, что происходило в земной обыденности после их кончины, как развивались события в больничной палате, на месте аварии, вокруг смертного одра. Но вместе с тем они могут поведать о своем соприкосновении с тайной какого-то иного бытия. Другой мир, в который они вступали, имел своих обитателей и загадочным образом был связан с земным существованием...

Древние знали, что усопший может вернуться к жизни. Рассказы об этом содержатся в мифологиях, религиозных текстах, исторических хрониках и жизнеописаниях. Об этом писал, например, Платон, факты такого рода можно найти в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, «Естественной истории» Плиния Старшего. Но казалось бы, о чем в состоянии поведать прибывший из потусторонней тьмы? «Не надо вынимать меня из гроба»,— молил шекспировский Лир. Угасший разум, как предполагалось, гаснет в небытии. «Дальнейшее — безмолвие...» — говорит умирающий Гамлет. Не только искусство, но и традиционная наука исходила из представления, что за чертою смерти тело становится бездыханным, разрушается и растворяется в биосфере. Вместе с ним исчезает и дух...

Никому из врачей не приходило в голову записать исповеди тех, кто вернулся к жизни после мертвой стыни... Правда, первое серьезное изучение опыта смерти было предпринято не в XX в., а в XIX. И осуществлено оно было не психологом и не психиатром, а известным швейцарским геологом Альбертом Геймом. Однажды в Альпах он попал в катастрофу, которая едва не кончилась для него смертью. Это пробудило в нем интерес к аналогичным случаям, к тому, что происходило с людьми, когда они расставались с жизнью. В течение нескольких десятилетий он собирал наблюдения, которые касались раненых солдат, каменщиков и кровельщиков, сорвавшихся с высоты, рабочих, которые попали в катастрофы, тонувших моряков. Особый интерес вы-

звали у Гейма случаи, какие были связаны с бедствиями в Альпах.

Впервые Гейм опубликовал свои открытия в докладе, который сделал на съезде Швейцарского Альпийского клуба в 1892 г. Он заключил, что субъективный опыт, полученный в результате близости смерти, у разных людей удивительно сходен независимо от конкретных обстоятельств, которые сопутствовали гибели людей. Умственная деятельность сначала резко ускоряется и обостряется. Время необычайно растягивается. Перед внутренним взором погибающего проходит картина его жизни...

В 1961 г. американский ученый Карлис Осис и его коллеги проанализировали более чем 600 вопросников, которые собирали врачи для обобщения опыта умирающих пациентов. У многих из них были разнообразные и сложные видения. Некоторые образы соответствовали традиционным религиозным представлениям о рае и аде. В других случаях миражные картины носили иной характер, но все-таки воспроизводили сходные сюжеты. В 1971 г. Рассел Нойес, профессор психиатрии университета Айовы, исследовал большое количество исповедей тех, кто оказался перед лицом смерти.

Затем такого рода исследования стали систематическими. Американские ученые Э. Кюблер-Росс, Дж. Риччи, Э. Харалдсон собирали сведения о том, что вспоминают люди, прошедшие через опыт клинической смерти. И опять-таки подтвердилось, что рассказы бывших усопших фантастически схожи. Независимо от религиозных, культурных, цивилизационных различий они, в сущности, рассказывают о том, что уже после смерти могли воспринимать, чувствовать, видеть и слышать... Подобного рода наблюдения проводились и в нашей стране. Теперь можно утверждать, что факт существования странных состояний сознания доказан.

Американский реаниматор Раймонд Муди, типологизируя совпадения в воспоминаниях пациентов, насчитал 15 различных деталей, которые то и дело целиком или частично всплывали в исповедях тех, кто вернулся из потустороннего мира. Каждый из них в критический момент ощутил полное физическое истощение, а затем слабо воспринял слова врача, который констатировал факт смерти. Затем в угасающем сознании пациента возникал неприятный шум, рез-

кий звон, непонятное жужжание. Умерший чувствовал, что попал в какой-то длинный темный туннель, через который он понесся с невероятной скоростью. Через мгновение он вдруг обнаружил, что отделился от своего тела и видит себя как бы со стороны, причем может наблюдать ту же обстановку, тех же людей, которые были рядом с ним в момент смерти.

Далее человек замечал, что у него есть другое тело, совсем непохожее на прежнюю телесную оболочку. Оно будто бы обладает иными свойствами, но вместе с тем служит новым «вместилищем души». Затем возникают тени ушедших родственников, друзей, близких, которые окружают новоявленную душу и стараются помочь ей освоиться. Еще кадр: перед ушедшим из жизни оказывается некое светоносное существо. Оно вступает с ним в телепатический контакт. Перед мысленным взором покойного проходит вся панорама его жизни. Рождаются отдельные эпизоды, которые по мановению светоносного существа воскрешают прожитую жизнь, как бы отвечая на вопрос, удалось ли выполнить намеченное. Однако, достигнув некоего барьера, умерший вдруг обнаруживает, что его время еще не наступило, что он может вернуться на землю. Душа вновь возвращается в бренное тело. Это дает свои плоды успешная реанимация.

Как возможно такое? Действительно ли ученые натолкнулись на факт посмертного существования или перед ними открылись тайны агонизирующего сознания, демонстрирующего в момент распада причудливые фантомы? Мне уже приходилось разбирать эту проблему в своей книге «Возрожден ли мистицизм?», где показано, что накоплено достаточно аргументов в пользу той и другой позиций. Возможно, эти вопросы остались бы значимыми только для врачей и ученых-медиков, но неожиданно к обсуждению проблемы подключились психологи, философы, религиоведы и историки культуры.

Философы, например, вспомнили, что рассказ такого же содержания есть в работе античного философа Платона. В книге «О государстве» он повествует о некоем солдате Эре. Его считали убитым в битве, но затем он очнулся на погребальном костре. Эр рассказал, что его душа вышла из тела, присоединившись к группе других душ, и что они прошли через тропы или проходы, ведущие от земли к бу-

дущей жизни. Однако на пороге они были остановлены некими священными существами, которые были способны мгновенно развернуть перед усопшими картины их земного существования. Эр, однако, был послан этими существами обратно на землю, чтобы рассказать людям об увиденном. Он говорит, что ничего не помнит о своем обратном пути на землю. Это как раз и согласуется с теми исповедями, которые записали современные врачи-реаниматоры. Историки напомнили: свидетельства такого рода содержатся во многих работах известных летописцев прошлого. Стало ясно, что речь идет не о психологическом или биологическом казусе, а о стойком и весьма распространенном феномене... В диалог вступили специалисты разных областей знания. Размышляя над результатами полученных сведений, я полагаю: мы находимся на пороге значительных открытий, прежде всего связанных с природой самого сознания.

В записанных исповедях рассказывалось о странной раздвоенности сознания. «Покойный» видел сразу две грани бытия, но при этом не имел возможности вступить в контакт с живыми. Усопшие не только воспроизводили впоследствии своеобразный репортаж с места происшествия, называли тончайшие детали происходившего, упоминали такие мелочи, которые невозможно выдумать и которые действительно соответствовали тому, что происходило на самом деле после смерти этого человека. Парадоксальный факт: покойный оставался свидетелем развертывающихся событий. Но вместе с тем он уже соприкасался с другим, неподлунным миром...

К началу 90-х гг. нашего столетия накоплен огромный и уникальный материал. Он неопровержимо доказывает, что речь идет не о частных примерах, исключительных ситуациях или патологических случаях. «Покойный» действительно сохраняет связь с земным бытием... Но что тому причиной? Выдвинуты и проанализированы самые различные версии — религиозные, психологические, биологические, фармакологические... Но достоверность посмертных видений, связанных с земным существованием, не поколеблена.

Проведенные исследования радикально изменили современные представления о смерти. Ее признаки оказались изменчивыми, а верительные грамоты сомнительными. Когда она наступает? При угасании клинически определенных про-

явлений жизни? После распада мозга? Или только отделение души от тела может свидетельствовать о роковом мгновении? Обсуждение этих вопросов позволяет выдвигать принципиально новые концепции жизни и смерти. В качестве иллюстрации назовем работу американского биолога Л. Уотсона «Ошибка Ромео».

Если говорить о внешней стороне дела, эта работа посвящена разрешению одного вопроса: когда угасшее тело можно считать мертвым? Отталкиваясь от описанной Шекспиром ошибки Ромео, который принял обморочное, клинически бездыханное состояние Джульетты за факт ее кончины, автор развертывает убедительную концепцию, которая вбирает в себя современные естественнонаучные трактовки тела, разума и души.

По мнению Л. Уотсона, неспособность современной науки провести различие между жизнью и смертью открывает обширное поле исследований, позволяющих дать новую трактовку различным феноменам человеческого существования. Автор подчеркивает, что между косной и живой материей нет принципиально непреодолимого разрыва. Живые организмы, по его мнению, лучше всего описывать как неживую материю, достигшую особой, специфической организации

Но суть проблемы не только в зыбкости самого феномена смерти. Современные исследователи все чаще приходят к мысли, что жизнь вообще существует в разных формах. Об этом в нашем столетии писал К. Циолковский. Сегодня к такому выводу склоняются многие физики, биологи, философы. Вполне возможно, что душа, покинув тело, получает иное облачение. Большинство западных ученых отнюдь не считают слово «душа» метафорой, они пытаются дать этому понятию естественнонаучное объяснение. Согласно версиям многих ученых, каждый человек имеет три тела, которые в совокупности образуют некий комплекс, целостность. Во-первых, это плотное внешнее физическое тело; во-вторых, латентно-эфирная субстанция и, в-третьих, духовная сущность. Все три тела вполне реальны, но имеют различную природу. Что же происходит с индивидом после смерти? Он освобождается от своей физической оболочки, но продолжает жить в эфирном теле, постепенно переселяясь в астральный, т. е. запредельный, мир.

По мнению Л. Уотсона, рассказы о том, что над постелью умирающего поднимается напоминающее призрак облако, которое присутствующие наблюдают визуально, ни у кого не вызовут удивления. Эти сообщения поразительно сходятся во многих деталях. Туман всегда поднимается над головой умершего, часто по спирали, затем же, приняв форму тела, он повисает горизонтально, в двух футах от соматической системы (т. е. от физического тела) и наконец рассеивается. Профессиональные ясновидцы также упоминают о «спиралях энергии», покидающей тело умершего. В одном из сообщений утверждается, что эти спирали можно было наблюдать в течение трех дней после клинической смерти.

Уотсон считает, что вторая система (эфирная оболочка) так же ограничена во времени, как и первая. Она ненадолго остается рядом с соматической системой как после клинической, так и после абсолютной смерти, но постепенно исчезает, и тогда материя теряет жизнь... Возможно, вторая система сохраняется без изменений, но американский биолог полагает, что постепенно она ослабевает и теряет присущую ей организацию.

Этот вывод не противоречит идее бессмертия. Возможно, считает биолог, существуют и другие системы, в которых жизнь продолжается после исчезновения физического и эфирного тела. Уотсон склоняется, однако, к мысли, что «энергетический двойник», «флюидный дубликат», «астральное тело» (таковы различные названия, которые ученые, придерживающиеся подобных взглядов, дают «второму» телу человека) должны пройти тот же путь, что обыкновенная плоть. Иначе говоря, по мнению Уотсона, известные современной науке другие энергетические телесные системы тоже не вечны.

К сожалению, советские исследователи не располагают пока возможностями для развертывания широкой экспериментальной работы в этой области. Однако постепенно завязываются научные контакты, предполагающие объединение теоретических усилий. Проведенные в нашей стране дискуссии исследователей данной проблемы показывают, что складывается новая концепция относительно связи души и тела. Советские ученые (естественники и философы) приходят к выводу о различных стадиях существования физи-

ческого тела, о возможности сохранения духа, переживающего распад телесности. Все эти вопросы носят пока дискуссионный характер. Высказывать какие-то окончательные суждения преждевременно.

Многократное воплощение

Медиумы * утверждают, что астральное и физическое тела связаны между собой тонкой сверкающей «серебряной» нитью, бесконечно растягивающимися узами, которые идут от макушки физического тела к макушке эфирного двойника. До тех пор, пока эта нить остается целой, астральное тело может вернуться в прежнее лоно. Почему же усилия по воскрешению человека не всегда приводят к успеху? Смерть наступает только тогда, когда рвется «серебряная» ниточка...

Стоило ученым обратиться к этой идее, как обнаружились потрясающие факты. Оказалось, что люди древности знали об этом и оставили нам поразительные свидетельства своей осведомленности. Выходит, если верить таким представлениям, наши предки владели такими тайнами, на которые мы сейчас наталкиваемся путем аналитического размышления и эксперимента. Это одно из поразительных открытий современной науки.

Физики, обосновывая новейшие космогонии, обращаются к древним тантрическим * системам. Психологи составляют карты духа, которые, оказывается, были давно известны мистикам Реаниматоры читают как некое пособие Тибетскую Книгу мертвых написанную в VIII в. Метафоры и символы старины (в том числе мифологические и религиозные) содержат, если их расшифровать, глубочайшую информацию о свойствах сознания. Астрономы убеждаются в том, что различные сферы Вселенной подчинены удивительной гармонии, на которую указывали древние...

Согласно древнеиндийской традиции, человек многократно является на эту землю в новых телесных облачениях и с новым предопределением. Для индусов земная жизнь отражает состояние отчуждения в то время, как смерть несет воссоединение, духовное освобождение и пробуждение. Колесо судьбы заставляет каждого нести тяготы нового воплощения до той поры, пока дух не достигнет совершенства.

Люди этой культуры страшились не смерти, а нового жизненного предназначения. Вот почему они бросались под колеса священной колесницы, тонули в водах Ганга. Чем быстрее человек пройдет цикл перерождений, тем лучше...

Но неужели человек, испытав земной удел, уходит, чтобы вернуться вновь? Именно так считали мудрецы древности — Платон, Будда. Более того, далекие предки учили опыту умирания и перевоплощения. Об этом говорится в уже упоминавшихся уникальных памятниках прошлого — Египетской Книге мертвых, Тибетской Книге мертвых. В них отмечалось, что, если человек знает, как правильно умирать, это отразится на его более благополучном последующем жизненном воплощении... Для буддистов биологическое существование неразрывно связано со страданием, а цель и победа духа заключаются в том, чтобы погасить огонь жизни и остановить колесо бытия — цепь повторных воплощений.

Согласно многим древним традициям, готовясь к смерти, человек должен сделать гораздо больше, нежели просто приобрести знания о процессе умирания. Он не только проходил через опыт символического угасания, но пытался глубже проникнуть в природу человеческого сознания. Приближение смерти человек прошлых эпох встречал в кругу близких, получал поддержку и утешение от членов семьи, клана или племени, а иногда даже специальное компетентное руководство на различных стадиях действительного ухода из жизни.

В совершенно иной ситуации оказался современный европейский человек. Религиозное учение о загробной жизни дискредитировано материалистическими представлениями, оно рассматривается лишь как иллюзия определенного времени и конкретных культур. Врачи стремятся во что бы то ни стало победить смерть или отсрочить ее приход. В этой борьбе за продолжение жизни совершенно забываются, как правило, психологические, философские и духовные проблемы бытия. Состоянием умирающего мало кто интересуется. При этом совершенно игнорируется совокупный духовный опыт человечества.

Но в какой мере можно доверять древним интуициям? Как они соотносятся с данными современной науки? Попытки ответить на эти вопросы содержатся в работах груп-

пы ученых — психиатров, психологов, нейрохирургов — среди который Майкл Мерфи, Дик и Ричард Прайс, Станислав Гроф, Рик Тарнас и другие. В течение многих лет они изучают природу человека в Эскленском институте в Калифорнии (США), стараются разгадать тайны сознания и подсознания.

Психотерапевтические опыты, которые проводил С. Гроф, натолкнули его на интереснейшее открытие. Оказывается, в подсознании можно обнаружить некие кладовые памяти, которые не открывают своих сокровищ в обычном состоянии. Но в эксперименте, когда с помощью различных средств эти шлюзы ничем не прикрыты, человек способен вспомнить всю свою жизнь, вызвать из глубин подсознания такие картины, которые, казалось бы, никогда не гнездились в активной памяти.

Особенно насыщенную информацию несут эти матрицы перед ликом смерти. Человек вспоминает всю жизнь, начиная от тайны рождения. Согласно выводам Грофа, двигаясь еще дальше по шкале времени, он способен увидеть и предшествующую смерть. Человек оказывается во власти глубоких, запредельных состояний сознания. На психологических сеансах человек проходит стадии агонии, смерти и повторного рождения. Причем психологическое столкновение со смертью бывает настолько убедительным и потрясающим, что такой опыт практически невозможно отличить от истинного биологического конца. После обретения названного символического опыта человек становится совершенно иным. Он не просто проникает в глубины собственного сознания, но проходит через своеобразное духовное прозрение...

Эксперименты показали, что люди, прошедшие через психотерапевтический опыт, когда испытываются ощущения, связанные со смертью и повторным рождением, резко меняют свое представление о самих себе, об окружающем мире. Преображается присущая им иерархия ценностей, исчезает чувство отчуждения. Напротив, возникает ощущение радости, безмятежности, психологического благополучия, рождается вкус к жизни. Такой человек лучше воспринимает жизнь.

По мнению Грофа, символы, возникающие при процессе умирания и последующего воскресения, легко обнаружи-

ваются во многих культурах. В психологическом эксперименте человек легко вспоминает конкретные эпизоды из жизни предков, реальные картины прошлого. При этом в памяти человека оживают эпизоды древней религиозной практики, детали ушедшей жизни далеких времен. Многие пациенты в ходе эксперимента ощущают себя гонимыми жертвами, отождествляют себя с узниками инквизиции, концлагерей.

При терапевтических сеансах самоанализа возникает нечто вроде внутреннего радара. Содержание памяти озаряется сильным эмоциональным истоком, импульсом. Тяжелые ощущения пациента становятся столь интенсивными, что человек чувствует, как он перешел за границы индивидуального страдания, испытывая общую боль группы людей, всего человечества. Люди в подобных ситуациях воспринимают себя то смертельно раненным солдатом, то узником тюрьмы, то истерзанным животным.

Откуда берутся эти образы и что они означают? Можно полагать, что в данном случае активизируется коллективная память человечества, заключенная в глубинах подсознания. Такие изначально врожденные психические прообразы, порождающие общезначимую символику сновидений, мифов, сказок и других созданий фантазии, К. Г. Юнг называл архетипами. Подобные устойчивые образы и возникают на экране памяти у людей, переживающих опыт смерти.

Можно полагать, что подсознание конкретного человека способно вынести на поверхность только образы собственной национальной культуры, т. е то, что близко и понятно индивиду, носителю определенных традиций и навыков. На самом деле в глубинах психики возникают образы, выходящие за пределы того или иного культурного мира. Иначе говоря, человек обращается к древним культурам Египта, Индии, Китая, Японии, Центральной Америки, Греции. Совершенно очевидно, что такая символика могла отсутствовать в генетической памяти конкретного человека. В ходе эксперимента он не воспринимает древние культуры как чуждые. Он проникает внутренним зрением в чью-то (возможно, свою собственную) судьбу.

Таким образом, речь идет о способности человека «путешествовать» по зонам своей психики, вызывать из глубин

подсознательного образы прожитой жизни. Но самое поразительное — человек, как уже отмечалось, может обратить время вспять, вернуться к тайне своего рождения, пережить эффект предшествующей смерти, которая предварила новое телесное воплощение, дойти до истоков своей психики, первых ее проявлений.

Означает ли это, что современные эксперименты подтверждают древнюю идею метемпсихоза *, т. е. концепцию перевоплощения душ (человека, животного иногда даже в растение или предмет неживой природы). Это представление, как уже отмечалось, характерно для ряда философских систем прошлого и многих ранних и развитых форм религии. Гроф и его последователи оставляют этот вопрос открытым. Задача ученых состоит в том, чтобы накопить материал для радикальных выводов. Однако несомненно, что современная наука призвана ответить на древнюю гипотезу: действительно ли человек проходит через тернии многих земных судеб? Согласно современным данным, достоверность этой версии не исключена.

Многие современные ученые собрали уникальный материал о том, как люди вспоминают свои предшествующие жизни. Расскажем по крайней мере о трех поразительных происшествиях, которые стали в известной мере хрестоматийными и часто воспроизводятся зарубежными исследователями.

В 1951 г. индеец Мишра взял свою трехлетнюю дочь Сворнлату вместе с другими детьми в путешествие. Они проехали огромное расстояние. Когда они возвращались домой, Сворнлата неожиданно попросила шофера автобуса свернуть на дорогу к ее дому. Шофер, естественно, не придал значения ее просьбе, поскольку они находились далеко от родного очага. Позже, когда группа остановилась в Катни, чтобы выпить чаю, Сворнлата сказала, что было бы приятнее зайти в дом и не на дороге, а именно в знакомой обстановке посидеть за столом. Отец девочки очень удивился: ни он, ни другие члены семьи здесь не жили. Но он прислушался к тому, что рассказывает Сворнлата своим друзьям, и обнаружил, что речь идет о подробностях ее «прежней жизни» в Катни в семье Патхаков.

Об этом эпизоде могли бы и забыть, но через два года девочка стала исполнять какие-то песни и танцы. Никто

не мог научить девочку этим мелодиям и этим движениям. Все было так необычно. В 1959 г. профессор Банерджи стал изучать этот казус. Он поехал в Катни, где познакомился с семьей Патхаков, родственницей которых считала себя Сворнлата. Ученый сравнил те подробности, о которых рассказывала ему девочка, с тем, что он застал в доме. Обнаружилось поразительное совпадение. По предложению профессора члены семьи Патхаков поехали к родителям девочки. Сворнлата назвала всех приехавших по имени, она их явно узнавала, вспоминала какие-то эпизоды прошлого, в которые все они были посвящены. Все, что девочка рассказывала о себе, удивительно совпадало с жизнью Бийи из семьи Патхаков. Но Бийя умерла за восемь лет до рождения Сворнлаты. Парапсихологи, которые наблюдали за этим необычным экспериментом, высказали предположение, что Сворнлата — это перевоплощенная Бийя.

Однако оставалась еще загадка. Бийя говорила на хинди и не знала бенгальского языка. Сворнлата же исполняла бенгальские песни и танцы. Ученые, полагавшие поначалу, что девочка обладает паранормальным сознанием, т. е. способностью узнавать других людей, вынуждены были отказаться от этой версии. Феномен выглядит гораздо более загадочным...

Другой случай, приводимый исследователями, относится к так называемой ксеноглоссии, т. е. способности человека понимать иностранный язык, не изучая его обычным способом. В 1973 г. жена известного американского ученого Лидия Джонмон согласилась помогать своему мужу в проведении экспериментов по гипнозу. Оказалось, что она могла легко впадать в транс. Гипнотизер решил внушить ей во время сеанса возможность путешествия по глубинам памяти. При проведении эксперимента жена неожиданно вздрогнула и вскрикнула, схватившись за голову. Доктор немедленно прекратил опыты. Жена сказала, что ей привиделась река, в которой насильно топили пожилых людей. Она чувствовала, что ее тоже хотят утопить, затем ощутила удар. Далее произошло нечто неожиданное. Лидия начала говорить не предложениями, а отдельными словами и набором фраз. Стало ясно, что она разговаривает на каком-то иностранном языке. Ее голос оказался вдруг низким, и на вопрос «Как вас зовут?» она ответила «Иенсен Иакоби». Во

время последующих сеансов она подробно рассказывала о своей (Иенсен Иакоби) жизни и работе на ферме. Общение шло уже на шведском языке.

Экспериментаторы решили усложнить опыт. Перед ней разместили различные предметы и спрашивали, что это такое. Будучи Иенсеном, Лидия узнала модель судна XVII в., правильно назвав его по-шведски. Она легко опознала также два вида деревянной посуды, которые использовались три века назад для измерения зерна, лук, маковые зерна. Все говорило о том, что Лидия легко чувствует себя в роли шведского фермера, общается на языке, который она никогда не изучала...

Третий случай. Бишем Чанд родился в 1921 г. в семье Гхуламов в г. Барейлли (Индия). Примерно в полтора года он стал задавать вопросы о городке Фильбхит, который находился недалеко от Барейлли. В семье Гхуламов ничего не знали об этом городке. Бишем стал подробно рассказывать о своей жизни в Фильбхите. Он вспомнил, что его звали Лакшми Нарайн, что он был сыном богатого землевладельца. Мальчик подробно описывал дом, в котором он будто бы жил, говорил, что в доме было отдельное жилье для женщин.

Эти воспоминания Бишема привлекли внимание прокурора города Барейлли. Он записал рассказы мальчика и решил проверить эти сведения. То, что он узнал, слово в слово, подробность в подробность совпадало с рассказами Бишема. Описывая этот случай, американский исследователь Я. Стивенсон подчеркивает, что в данном случае записи были сделаны надежными людьми и все, что вспомнил Бишем, подтвердилось...

Существует ли какой-нибудь способ объяснить эти феномены без ссылки на перевоплощение? Иногда ученые ссылаются на то, что в названных примерах речь идет о ясновидении. Однако эта версия подвергается сомнению. Дело в том, что ясновидение — универсальная способность, а ведь здесь речь шла о восприятии жизни только конкретного человека. За пределами данной судьбы дар проникновения в прошлое не обнаруживал себя.

Обсуждается и другая версия, позволяющая как-то истолковать названные феномены. Высказывается предположение, что люди рождаются с генетической памятью. Память

о предках закодирована в нашей психике. Однако в приводимых примерах генетическая связь между человеком и его мнимыми предками отсутствует. Наследуем ли мы память? Вполне понятно, что если бы между конкретными лицами, о которых идет речь в опыте воспоминания, существовала хотя бы отдаленная родственная связь, эта версия могла бы рассматриваться как отчасти убедительная.

Но может быть, речь идет о коллективной памяти всего человечества, закодированной в человеческой психике. В таком случае предстоит объяснить, чем вызвана избирательность воспоминаний. Ведь в ходе эксперимента человек вспоминает конкретную судьбу. Он говорит только об одном собственном воплощении. По отношению к другим человеческим судьбам, ситуациям память не обнаруживает такой обстоятельности, полной погруженности и т. д.

Вера в перевоплощение души была широко распространена среди людей. Даже на Западе это верование было известно до эпохи христианства. Древние пифагорейцы наряду с ранними греческими философами не сомневались в том, что люди многократно приходят на эту землю. Для пифагорейцев это было предметом религиозной веры, а для Платона — философской веры. Античный философ исходил из того, что мы обладаем определенными знаниями, которые мы не могли получить обычным путем, опираясь на органы чувств.

Выводы Платона оспаривались на протяжении многих веков. В XVI в. философы разошлись во мнении: верить ли в доктрину о врожденных идеях (а значит, и в идею перевоплощения) или считать все человеческое знание результатом работы разума. Декарт, Лейбниц и Спиноза склонялись к первой точке зрения. Локк, Беркли и Юм — ко второй. Однако те сведения, которые накоплены за последние десятилетия, в прежних историко-философских дискуссиях не фигурировали. Это естественно, ведь они появились недавно. Поэтому случаи, как будто подтверждающие идею перевоплощения, никогда не изучались серьезно. Они воспринимались либо как безумие, либо как колдовство.

Заключение

Осмысление смерти имеет огромные историко-философские, духовные истоки и традиции. С истолкованием этого

феномена связаны разносторонние бытийственные проблемы. Названная проблема по-разному оценивается в разных культурах, порождая различную символику и способы психологической защиты от угрозы физического уничтожения. Человечество выработало множество традиций и способов, с помощью которых обеспечивается символическое бессмертие. Так, например, форма психологического выживания через надежду на сохранение определенных генетических свойств прослеживается в патриархальных восточных культурах.

Другим способом символического увековечивания можно считать творческое бессмертие. Оно воплощается в передаче унаследованных традиций, в беспрерывном созидании. Древние учили: помни о смерти! Мы убеждаемся сегодня в мудрости этого завета. Помни, т. е. не пытайся утонуть в забвении. Не почитай себя бессмертным, ибо вытесненные страхи все равно прорвут плотину...

Современная культура, судя по всему, стоит на пороге грандиозных открытий, связанных с тайнами бытия и смерти. Огромный этнографический, философский, естественнонаучный материал, который накоплен учеными, позволяет значительно расширить рамки обсуждения темы. Пора объединить усилия специалистов разных профилей для осмысления тех загадок, которые поставлены современной наукой.

Особого внимания требует тема перевоплощения души. Возможно, те эксперименты, о которых шла речь, демонстрируют всепроникающую мощь архетипической памяти человечества. Но может быть, в них выражена одухотворяющая сила древних прозрений? Религиозная литература дает массу сведений об ином бытие... Скажем, библейские пророки многократно внимали гласу божьему, зову далеких предков. И великие мыслители прошлого, как выясняется, оставили нам неоспоримые ссылки на контакты с подземным Аидом, с царством теней, с дантовскими скитаниями души.

Религиозные мыслители наших дней отрицательно отнеслись к книгам современных реаниматоров, несмотря на то что выводы ученых во многом совпадают с теологическими откровениями. Доводы традиционной религиозной позиции заслуживают внимания. Считается, что в земной жизни не дано разгадать тайну земного бытия, она во власти вер-

ховного существа. Разгадка феномена смерти, согласно религиозной позиции, для нас заповедана...

Но можно допустить, конечно, и другое. В будущем столетии радикально изменятся наши представления о жизни и смерти, о предназначении человека. Подобно тому как сегодня люди обращаются к астрологическим знакам, чтобы соотнести свою судьбу с ритмами космоса, наши потомки, быть может, будут знать о прожитых жизнях и будут нести эстафету духа, сообразуясь с их отзвуками. Смысл нашей жизни, возможно, непостижимым образом связан с общей судьбой человечества, со сменой многочисленных поколений, их участью...

Примечания

Предисловие

[1] Байрон Дж. Г.— Соч.— В 3 т.— Т. 2.— М., 1954.—С. 396

[2] См. об этом: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии.— В 4 т.— М., 1971.— Т. 3.— С 698.

Вечное безмолвие

[1] См.: Хейзинга Й. Осень средневековья.— М., 1988.— С 149.

[2] Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях.—М., 1975.— С. 26.

Романтизация смерти

[1] Спиноза Б. Избранные произведения.— Т. 1.— М., 1957.— С 576.

[2] Монтень М. Опыты. Книга II.— М.— Л., 1958.— С. 261.

[3] Фрейд З. Неудовлетворенность культурой // Избранное.— Лондон, 1969.— С. 279.

[4] Фромм Э. Бегство от свободы.— М., 1990.— С. 205.

В саду размышлений

(ДИАЛОГ ВРЕМЕН И НАРОДОВ)

В веренице эпох феномен смерти понимался по-разному. Здесь представлены древний мир, средневековье, Новое время и современность. Расположение материала связано не с датой, когда написано исследование, а с той проблематикой, которая в нем отражена. (Так, например, работа нашего современника французского лидера «новых философов» А. Глюксмана воспроизводит античное миропонимание смерти, а нидерландского культуролога Й. Хейзинги — средневековое истолкование этого феномена.)

Предлагаем вам некоторые предварительные пояснения.

Древний мир. Египетская «Книга мертвых» сформировалась в эпоху Нового царства (2-е тысячелетие до н. э.). В ней говорится о том, что бог Ра совершает путь по небу днем, вечером его барка спускается в царство мертвых Дуат. Этот путь разделен на двенадцать частей, каждая из которых составляет очередной ночной час. Среди мифологических персонажей, имена которых встречаются в тексте, выделим два. Гор — в древнеегипетской мифологии бог Солнца, покровитель фараона, который считался земным воплощением Гора, сын Осириса (в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскрешающей природы) и Изиды. Изида — в древнеегипетской мифологии супруга и сестра Осириса, олицетворение супружеской верности и материнства, богиня плодородия, воды и ветра.

Работы древнегреческого философа Платона (428 или 427 до н. э.—348 или 347), знаменитые диалоги представляют собой по форме его беседы с Сократом, записанные по памяти, или с воображаемыми диспутантами — Кебетом, Симмием, Критоном. В работе «Федон» Платон развивает учение о бессмертии души.

Глюксман Андре — лидер современных «новых философов» во Франции. Сторонники этого направления показывают, в частности, как древние античные философы относи-

лись к смерти. В тексте упоминаются:

Новалис — немецкий поэт и философ, настоящее имя и фамилия Фридрих фон Харденберг (1772—1801).

Эврипид (ок 480 до н. э.—406 до н. э.) — древнегреческий поэт и драматург.

Эпиктет (к. 50 — ок. 140) — римский философ-стоик.

Диоген Синопский (ок. 400 — ок 325 до н. э.) — древнегреческий философ-киник.

Тертуллиан (ок. 160 — после 220) — христианский теолог и писатель.

Эпикур (341—270 до н. э.) — древнегреческий философ-материалист.

Августин Блаженный (354—430) — христианский теолог и церковный деятель.

Спиноза Бенедикт (1632—1677) — нидерландский философ-материалист.

Паскаль Блез (1623—1662) — французский религиозный философ.

Средневековье

Тибетская «Книга мертвых» записана около VIII в. н. э. В ней накоплены наблюдения многих поколений. Рассказывается об особом состоянии, когда человек находится между жизнью и смертью. Это называется «Бардо Тедоль». Усопший вступает в контакт с неким светоносным существом — Ясным Светом.

В тексте речь идет о самхаре и ее узах (подразумевается предрасположенность человека к определенной жизненной судьбе).

Майстер Экхарт (ок. 1260—1327) — представитель немецкой средневековой мистики.

Хейзинга Йохан (1872—1945) — нидерландский историк и философ.

Новое время и современность

Монтень Мишель (1533—1592) — французский философ-гуманист.

Гроф Станислав (р. 1933 г.) — американский психолог, автор ряда работ по изучению психоделического опыта. Психоделики — это наркотики. Экстатические состояния — состояния крайнего возбуждения. Эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека.

ДРЕВНИЙ МИР

ИЗ ЕГИПЕТСКОЙ КНИГИ МЕРТВЫХ

Пятый час ночи

В пятом часу начнется величайшее таинство мира Дуат, необходимое для воскресения ночного Солнца.

Солнечная барка, которую тянут на канате богини и боги, находится в том же царстве Сокариса, в глубинах Дуат. Барка сохраняет облик змеи. Она скользит по тайным дорогам Ра-сетау к Пещере Сокариса, которую стерегут демоны, изображенные на рисунках в виде змей или человеческих голов. В центре композиции находится овал («нут»). Его охраняет двуглавое божество Акер. Внутри овала — крылатый змей, а на нем — бог с головой сокола. Змей олицетворяет предвечную форму бога Атума, и бог, который держит его за крылья, также чаще всего определяется как Атум, хотя в «Книге Амдуат» его называют Сокарисом. Видимо, речь идет о разных формах Великого Бога. Озаренный сиянием его глаз овал, «где слышится некий шелест», представляет собой своеобразное средоточие божественных качеств, «генератор» творческой энергии Великого Бога. Ночное Солнце получает здесь свою силу и способность возродиться на восточном горизонте неба.

Реализация божественной потенции начинается именно здесь, в глубинах Пещеры Сокариса. На это указывает скарабей — символ утреннего Солнца. Он выглядывает из холмика и тоже тянет барку вместе с другими существами запредельного мира. Холмик называется «темнота», или ночь. Этот «ларец» («хену»), как его иногда называли в текстах, имеет три оттенка значения. О первом мы уже знаем: это «божественное вместилище» для возрождения энергии ночного Солнца. Поскольку оно вмещает Великого Бога, наряду с солярным аспектом появляется аспект озирический: холмик становится «могилой Осириса», или его «саркофагом». Две птички на нем — Изида и Нефтида, которые его оплакивают. Изида — «Великая чарами» — присутствует при

чуде преображения Солнца. Изображение Пещеры Сокариса венчает голова Изиды — хранительницы этой святыни. Если считать, что каждый умерший становится Осирисом, то холмик — это уже как бы могила, где почивает тело покойного. Ночью, благодаря близости Великого Бога, он оживает, пользуясь полной свободой, а его душа присоединяется к процессии, сопровождающей божественную барку.

Когда Бог проходит рядом с Пещерой Сокариса, он встречает грозного двуглавого змея, который пропускает его, только услышав соответствующее заклинание. Как всегда, Солнце не перестает заботиться о блаженных душах — обитателях этого региона Дуат. В тексте краткой версии пятого часа «Книги Амдуат» звучит так: «Этого Великого Бога, которого на своем песке влекут на буксире по надлежащим дорогам Дуат в верхней половине таинственной Пещеры Сокариса. Невидим и неуловим таинственный образ страны, что под телом этого Бога. Божественные существа, которые находятся там, где этот Бог, слышат голоса Ра, когда он взывает к окружению этого Бога. Имя врат этого места: «Место-Пребывания-Богов». Имя пещеры этого бога: «Сокрытая Страна». Таинственные дороги Запада, врата Сокрытого Помещения, недоступное место страны Сокариса. Это тело в первой форме становления. Имена богов, которые в этой пещере: «Души-Которые-Находятся-В-Дуат». Их образы являются тем, что находится в их часе, являются их таинственными формами. Неизвестен и незрим, неуловим этот образ самого Гора. Эти образы были исполнены по образцу, который начертан в Сокрытом Помещении Дат, в его южной части. Кто это знает, душа того довольна, и он доволен жертвами Сокариса. Хемит не может изрубить его тело, он спокойно проходит возле него. На земле будут приносить жертвы этим божествам. Имя часа ночи, который сопутствует этому Великому Богу в этой пещере: «Тот, Который-Сопутствует-В-Своей-Барке».

Наука и религия.—1990.— № 5.— С. 52.

Платон

Сократ выслушал Кебета и, как показалось, обрадовался его пытливости. Обведя нас взглядом, он сказал:

— Всегда-то Кебет отыщет какие-нибудь возражения и не вдруг соглашается с тем, что ему говорят.

А Симмий на это:

— Да, Сократ, и мне тоже кажется, что Кебет говорит дело. С какой стати людям поистине мудрым бежать от хозяев, которые лучше и выше их самих, и почему при расставании у них должно быть легко на сердце? И мне кажется, Кебет метит прямо в тебя. Ведь ты с такой легкостью принимаешь близкую разлуку и с нами, и с теми, кого сам признаешь добрыми владыками,— с богом.

— Верно,— сказал Сократ,— и, по-моему, я вас понял: вы предъявляете обвинение, а я должен защищаться, точь-в-точь, как в суде.

— Совершенно справедливо! — сказал Симмий.

— Ну, хорошо, попробую оправдаться перед вами более успешно, чем перед судьями. Да, Симмий и Кебет, если бы я не думал, что отойду, во-первых, к иным богам, мудрым и добрым, а во-вторых, к умершим, которые лучше живых, тех, что здесь, на Земле, я был бы неправ, спокойно встречая смерть. Знайте и помните, однако же, что я надеюсь прийти к добрым людям, хотя и не могу утверждать это со всею решительностью. Но что я предстану перед богами, самыми добрыми из владык, знайте и помните, это я утверждаю без колебаний, решительнее, чем что бы то ни было в подобном же роде! Так что никаких оснований для недовольства у меня нет, напротив, я полон радостной надежды, что умерших ждет некое будущее, и что оно, как гласят и старинные предания, неизмеримо лучше для добрых, чем для дурных.

— И что же, Сократ? — спросил Симмий.— Ты намерен унести эти мысли с собою или, может быть, поделишься с нами? Мне, по крайней мере, думается, что и мы вправе получить долю в этом благе. А вдобавок, если ты убедишь нас во всем, о чем станешь говорить, вот тебе и оправдательная речь.

— Ладно, попытаюсь,— промолвил Сократ.— Но сперва давайте послушаем, что скажет нам Критон: он, по-моему, уже давно хочет что-то сказать.

— Только одно, Сократ,— отвечал Критон.— Прислужник, который даст тебе яду, уже много раз просил предупредить тебя, чтобы ты разговаривал как можно меньше: ожив-

ленный разговор, дескать, горячит, а всего, что горячит, следует избегать — оно мешает действию яда. Кто этого правила не соблюдает, тому иной раз приходится пить отраву дважды и даже трижды.

А Сократ ему:

— Да пусть его! Скажи только, чтобы делал свое дело,— пусть даст мне яду два или даже три раза, если понадобится.

— Я так и знал,— сказал Критон,— да он давно уже мне докучает.

— Пусть его,— повторил Сократ.— А вам, мои судьи, я хочу теперь объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил свою жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага. Как это возможно, Симмий и Кебет, сейчас попытаюсь показать. Те, кто подлинно предан философии, заняты, по сути вещей, только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться к одной цели, а потом, когда она оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!

Симмий улыбнулся.

Платон. Федон. Соч.— В 3 т.— Т. 2.— М., 1970.— С. 20—21.

Цицерон

...Причина, по-видимому, весьма сильно беспокоящая и тревожащая людей нашего возраста,— приближение смерти, которая, конечно, не может быть далека от старости. О, сколь жалок старик, если он за всю свою столь долгую жизнь не понял, что смерть надо презирать! Смерть либо надо полностью презирать, если она погашает дух, либо ее даже надо желать, если она ведет его туда, где он станет вечен. Ведь ничего третьего, конечно, быть не может. Чего же бояться мне, если после смерти я либо не буду несчастен, либо даже буду счастлив? Впрочем, кто даже в юности столь неразумен, что не сомневается в том, что доживет до вечера? Более того, возраст этот в гораздо большей степени, чем наш, таит в себе опасность смерти: молодые люди лег-

че заболевают, более тяжко болеют, их труднее лечить; поэтому до старости доживают лишь немногие. Если бы это было не так, то жизнь протекала бы лучше и разумнее: ведь ум, рассудок и здравый смысл свойственны именно старикам; не будь стариков, то и гражданских общин не было бы вообще. Но возвращаюсь к вопросу о надвигающейся на нас смерти: за что можно упрекать старость, когда то же самое касается и юности? Лично я, в связи со смертью своего прекрасного сына, а ты, Сципион, в связи со смертью братьев, которым было предназначено занять наивысшее положение в государстве, узнали, что смерть — общий удел всякого возраста.

Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях.— М., 1975.— С. 24—25.

Глюксман

Животные редко, а бессмертные боги и вовсе не играют в игру, к которой издавна имеет пристрастие европеец,— игру в кости со смертью. Прав ли Новалис, утверждавший: «Философский акт по преимуществу есть самоубийство»? Утверждение не рассеивает всех сомнений. Эдип не убивает себя и, как бы вырываясь за положенные пределы, прозревает то, чего его божествам созерцать не дано. Еврипидовский Ипполит умирает, желая посвятить себя Артемиде, своей богине, а последняя взирает на несчастного, не проронив и слезинки: «Глаза божества плакать не умеют»; богиня покидает умирающего со словами: «Прощай, мне воспрещено созерцать приход смерти и осквернять свою жизнь зрелищем угасания тела». Ввиду своей конечности смертный требует, чтобы бог разделил его кончину, коль скоро боги (греческий и христианский) заявляют о своей причастности к похождениям двуногого без перьев. С вторжением образа вечного божества, не чуждого вдруг человечности, возникают догматические и духовные проблемы, но их можно обойти, решая с другого конца: смертные без труда научатся жить на манер небожителей, изобретая для себя приюты и обители вдохновения, откуда изгоняется все невыносимое. Что ж остается? Остается славить победы науки, социального прогресса и, может быть, торжество киника-циника.

Пользуясь щипцами философии, Эпиктет улавливает и

рассматривает существо своей мысли. Перед нами предстает киник, чьи размышления сосредоточены на собственной мысли, а точнее, на мысли о смерти, общей теме соперничающих стратегий Сократа и Диогена.

Тут никакому судье не под силу рассудить «объективно». Мы видим себя умершими лишь при условии собственного удвоения; чтобы следить за исчезновением самого себя, надо вообразить себя дважды живым. Совершаясь по необходимости, в кругу нескольких действующих лиц, встреча со смертью совершается театрально или литературно (на «внутренней сцене»). Действующие лица представления преследуются костлявой жницей, лично ни в ком из них не уловимой. Это — тот самый миг, про который каждое двуногое без перьев знает, что его не миновать, хотя никакого подтверждения события до нас не долетает. Мгновение, откуда возврата нет, но откуда все будто бы уже возвратились в силу некоего знания, предшествующего всякому прочему знанию (странное знание: лежит в основе всякого скептицизма, но никакому скептицизму не подвластно; знает предел, хотя никогда его не достигало, и не знает, что же этот предел в себе заключает). Этот странный опыт, к которому доступа нет, не открывает, однако, доступа ко всякому прочему опыту: вот я касаюсь себя рукой — я живу, я живой, я, несомненно, не мертв, но откуда я знаю, что могу умереть и не быть? Откуда у меня это ощущение невозможности небытия — ощущение не менее явственное, чем ощущение бытия? Смертное животное существует, становясь современником события, не допускающего чего-либо ему современного. Из-за этого сдвига по фазе надо прибегнуть к литературным уловкам; чтобы выскочить из времени, приходится обращаться к воображению.

Нелегкая это задача, припереть к стенке Диогена и Сократа. Опыт смерти — очевидный, но неуловимый — подрубает всякое твердое суждение о нем. «Пока мы есть, смерти нет, а когда она есть, нас уже нет». Эпикур вообще снимает вопрос об этой странной встрече, где интимно-внутреннее определение человеческого существа является как нечто внешнее ему. Поскольку событие интеллектуально непостижимо, мы пытаемся вообразить его, но скоро обнаруживаем, что оно и невообразимо...

Будь смерть доступна для взгляда или воображения, не

было бы причин возводить ее в достоинство философского оселка. Если бы она была просто запредельной, не было бы и предмета спора — кого волнуют никому неведомые звезды? Она озадачивает, поскольку с известной точки зрения она вероятна: она превращается в проблему номер один, когда, с какой стороны ни глянешь, она представляется убедительной. Тертуллиан оспаривает Эпикура доводом от абсурда: «Если мы ничего не теряем, лишаясь чувственной способности, то ничего и не имеем, ее обретая»; неумирающее животное не могло бы и родиться — во что бы то ни было. Если смерти нет, жизнь — скольжение в ирреальном». Занимаясь опровержением языческого философа, христианский апологет, однако, сбивается на иллюстративные пояснения к нему. Античная мифология изобилует свидетельствами, подтверждающими, что «бессмертные боги» томятся скукой — отсюда склонность к мимолетно-случайным интригам, к разжиганию страстей где ни попадя. Вероятность какого-либо события в их мире оказывается совершенно неопределенной, если рассматривать событие как условие возможности любого другого события.

Если нельзя до времени пережить умирание, то, может быть, можно жить, не умирая? Загадка для мысли заключена не в проблеме беззаботной жизни («до») или, по смерти, бессуетной жизни («после»), но в переходе от одной к другой, утверждает святой Августин, идя по следу Эпикура: «Покуда душа пребывает в теле, покуда мы способны чувствовать, покуда человек вне всякого сомнения живет в соединении души и тела, надо говорить, что он находится в предсмертье, а не в смерти; но когда душа его отлетела, лишив тело способности чувствования, он находится в посмертье, и о нем говорят, что он умер. Я не вижу, каким образом он может находиться в состоянии умирания, то есть смерти». В умирании заключается как раз оригинальная особенность двуногого без перьев с его способностью воспринимать неуловимое, мыслить едва ли мыслимое. Переходя от одного мгновения настоящего к другому, человек переживает одну мимолетную кончину за другой, развивает свою мысль св. Августин. Смерть ищет человека, он от нее убегает, будущее непрерывно перетекает в прошлое. Умирание не поддается однозначной локализации во времени, но занимает в определенном смысле все время жиз-

ни: «Если умирать, то есть быть в смерти, то следует утверждать, что умирать мы начинаем с того мгновения, как начинаем жить». Неожиданный поворот на 180 градусов; если человек не умирает ни до, ни после, то он умирает без конца, а его умирание и есть его жизнь.

Вывод, следующий сам собой: как помещенный в предсмертье («досмертье») не может войти в смерть, так и рожденный умирающим не может выскочить из собственной тени, переносясь в некое предшествующее, предысторическое существование или в какое-то посмертное, загробное видение. Многие народы гордятся своими знаниями о «предшествующей» и загробной жизни, накопленными в ходе истории,— благодаря им смерть «редуцируется» и становится манипулируемой. Но двуногое без перьев склонно отталкивать от себя такого рода знания и живет, не делая вида, будто у него есть ключи к запредельному с того или иного конца.

Умирающее двуногое животное переворачивает и переосмысляет вывод из парадокса Эпикура: хотя объятья смерти временной локализации не поддаются, отсюда не следует, что мы никогда не пересекаем границы смерти — напротив, мы только и делаем, что постоянно ее пересекаем; нельзя утверждать, и что смерти не существует,— напротив, она скорее угрожает повсюду. Смерть невозможно датировать определенным временем, мгновением, отделяющим «до» от «после»; ее невозможно фиксировать ни в живом теле (иначе оно было бы мертвым), ни в мертвом (оно по-своему еще дышит), ни в мысли (мысль о смерти — мысль о немыслимом). Двуногое без перьев выведет из этих странных обстоятельств неожиданное заключение: не смерти нет, но отсутствует возможность ее фиксации. Событие — подвижно, умирающее двуногое животное безостановочно ставит на карту свое физическое и духовное существование. Отбиваясь от разнообразных некрозов, оно обретает ощущение, что живет. Но, хотя мгновение кончины другого неуловимо, он от этого к бессмертью ничуть не ближе, и является беспокойство, что кончина в некотором смысле уже началась. Отлетающий дух запечатлевается и в жизнедеятельности тела. Индивид без конца передвигает в себе, как и в ближних, странный пограничный рубеж...

Опыт смерти порождает совокупность двойных отрица-

ний, нейтрализующих друг друга. Характеризуя умирание, св. Августин выводит за его пределы бессознательно-растительное существование, так и существование посмертно-ангелическое. В иррациональной глубине существа, не мыслящего себя ни ангелом, ни поросенком, узнаем турникет, ведущий к неминуемому опыту свидания, соприкосновения. Об опыте дело идет потому, что смерть не поддается определению в мысли: «Мы нуждаемся в опыте лишь тогда, когда не можем заключить об определении вещи... но мы не нуждаемся в опыте для познания вещей, существование которых не отличимо от сущности и таким образом исчерпывается ее определением» (Спиноза). Человек ускользает от определения, ибо смертен.

Как опыт, не осуществимый при жизни, смерть остаётся опытом, который другому непередаваем. Всякий человек находит смерть другого «естественной» и не считает, что приложил к ней руку. Конечный результат сомнений никогда не вызывает. «Я его не убивал, но избавил его душу от ядовитого зла плоти»,— считает фанатик. «Покойный совершает путь в мире ином»,— прибавит добрая душа. Относительно похождений за гробом можно выдвигать какие угодно гипотезы; они оттачиваются на лезвии последнего мгновения. Для двуногого без перьев смертный — единственный достойный собеседник. Его соблазняют астрологическими прорицаниями, гностическими * картинами, религиями, но гадательность рисуемого будущего во всяком случае свидетельствует, что все храмы зиждутся на предварительном условии верования, более или менее широко распространенного. Умы так беспокоятся о посмертном, что о самой смерти забывают задаться вопросом и к доказательству бессмертия души обычно приступают, не потрудившись показать ее смертность. Отправной момент, могила — суть «вещь ясная», подтверждает Сократ, и эта «ясная вещь» — приглашение тронуться в путь, ибо якорь, без сомнения, поднят.

Интуитивное понимание смерти как состояния внечувственного, едва ли вообразимого и труднопостижимого обесценивало сокровища, ревностно хранимые иными цивилизациями. С тех пор царства духов отдаляются от западного человека, и границей, отделяющей его от них, служит эта неуловимая и лишенная толщины точка, эта идеальная, но непроницаемая линия, эта неосязаемая, но прочная завеса.

Мир иной — первичная реальность неевропейских мифологий и религий — отныне потусторонен по отношению к потустороннему, нечто, чем можно красиво рискнуть (Сократ), на что можно взглянуть как на ставку в пари (Паскаль)...

Карты, первоначально розданные Платону и Диогену, как и главные ставки в их игре,— реальности не витальные и не политические. Еще до того, как столкнутся их тела и гражданские позиции, они соприкасаются со смертью, возвещающей об уязвимости того и другого. Колеблемые биологическими, социальными, биографическими обстоятельствами существования, двуногие без перьев сознают себя равными перед лицом смерти, несмотря на все неравенства в жизни. Когда несправедливость превышает предел приемлемого (он меняется от эпохи к эпохе), двуногие без перьев заставляют «начальствующих» вспомнить о хрупкости жизни: социальные слои или нации грозят друг другу тираниями, революциями, войнами, преступлениями, предательствами. Борьба классов — несомненно, одна из «движущих сил» истории Запада, ее поворотов, разворотов и переворотов; но еще настойчивей, чем призрак коммунизма, по Европе бродит призрак смерти, которой один лагерь угрожает другому, чтобы в случае неуспеха угрозы привести ее в исполнение.

Глюксман Андре. Новейшие похождения двуногого без перьев // Цинизм и страсть.— Париж, 1981. Печ. по: Проблема человека в современной религиозной и мистической литературе.— М., 1988.— С. 199—209.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗ ТИБЕТСКОЙ КНИГИ МЕРТВЫХ

Посмертный мир

В момент первой встречи лицом к лицу с Ясным Светом во время промежуточного состояния в момент смерти некоторые люди, хотя они и слушали множество религиозных поучений, не узнают его, другие же, хотя и узнают, но мало освоились с ним. Но как те, так и другие, кто получил практическое обучение Руководителей, будут поставлены лицом к лицу с основным Ясным Светом и достигнут Дхарма-Кайи без другого промежуточного состояния, не рождаясь снова на великом восходящем пути.

Великий восходящий путь состоит в том, что духовное освобождение и даже состояние Будды могут быть достигнуты моментально, не входя в план Бардо и не проходя долгие сроки нормальной эволюции. Бардо Тедоль основан на этой доктрине. Вера — первый шаг на тайном пути, потом — озарение, и когда цель достигнута — освобождение. Но здесь опять успех зависит как от искусства йоги, так и накопленных заслуг и хорошей кармы. Если ученик может понять истину, как только гуру ему ее откроет, или он может умереть сознательно, узнать Ясный Свет, который его озаряет, и соединиться с ним, тогда рвутся самхарические узы и спящий пробуждается к реальности могучим порывом в тот самый момент, когда он ее узнает.

Вот способ, как этого добиться.

Лучше всего, если это возможно, иметь гуру, который давал бы умершему направляющие указания. Но если нельзя иметь такого гуру, надо позвать брата по вере или, за неимением такового, человека, наставленного в этой же вере. Если никто из этих людей не может прийти, тогда надо позвать кого-нибудь, кто может отчетливо прочесть Тедоль несколько раз. Это напоминает умершему то, что он слышал про встречу лицом к лицу со смертью, и тогда он сможет узнать тот основной Свет и без сомнения получить освобождение.

Вот как и когда следует это применять.

Когда дыхание прекратилось, жизненная сила падает в нервный центр знания. Когда жизненная сила отброшена вдоль психических нервов справа и слева, мгновенно взойдет заря промежуточного состояния. Эти указания должны быть даны до того, как жизненная сила распространится в левом нерве, после того как она пройдет через нервный центр пупа. Обычное время, необходимое для этого дыхания нервной силы, длится столько, сколько продолжается дыхание.

Когда дыхание вот-вот прекратится, желательно, чтобы перенесение уже состоялось, но если оно не было успешным, то надо произнести следующие слова: «О благородный сын (такой-то)! Настало для тебя время искать путь, твое дыхание сейчас остановится. Твой гуру поставил тебя лицом к лицу с Ясным Светом. И сейчас ты его познаешь в его реальности, в состоянии Бардо, где все вещи подобны пустому небу без облаков и где обнаженный незапятнанный разум есть как бы прозрачная пустота без окружности и центра. В этот момент узнай самого себя и останься в этом состоянии. Я тоже сейчас помогу тебе в этой встрече».

Это следует повторять много раз на ухо умирающему, пока не прекратится дыхание, чтобы запечатлеть это в его уме. Если дыхание вот-вот прекратится, надо повернуть умирающего на правый бок в позу, которая называется позой лежащего льва. Биение артерий с правой и левой сторон шеи должно быть подавлено. Если умирающего клонит ко сну или если он засыпает, надо этому помешать, и для этого надо зажимать артерии мягко, но упорно. Умирающий должен бодрствовать и быть в полном сознании наступающей смерти. (Для этого зажимают артерии.) Таким образом жизненная сила не может вернуться в срединный нерв и непременно выйдет через отверстие Брамы. Если умирающий в сознании не рассеян, он с помощью силы, полученной от чтения Тедоля, отдает себе отчет в важности удержания жизненной силы в срединном нерве, пока она не выйдет через отверстие Брамы. Вот теперь должна состояться настоящая встреча лицом к лицу с Ясным Светом.

Жизнь после смерти.— М., 1990.

Йохан Хейзинга

Ни одна эпоха не навязывает человеку мысль о смерти с такой настойчивостью, как XV столетие. Жизнь проходит на фоне непрекращающегося призыва: помни о смерти... Конечно, и ранее вера постоянно заставляла всерьез задумываться о смерти, однако благочестивые трактаты раннего средневековья касались только тех, кто полностью порвал с миром. Лишь тогда, когда с появлением нищенствующих монашеских орденов проповеди стали широко распространяться среди народа, подобные предостережения слились в некий устрашающий хор, с неистовостью фуги звучащий повсюду в мире. В конце средневековья слово проповедников было дополнено новым видом изобразительного искусства. Во все слои общества начала проникать гравюра на дереве. Эти два средства воздействия на народные массы: проповедь и гравюра — могли передавать мысль о неизбежности смерти лишь посредством простых, непосредственных жизненных образов, резких и выразительных. Размышления о смерти, которые можно было встретить у монашеской братии прежних времен, сгустились в чрезвычайно упрощенный, близкий простонародью и лаконичный образ; такая смерть — и в слове, и в изображении — бурно воздействовала на воображение толпы Этот образ смерти был в состоянии заимствовать из обширного комплекса идей, окружавших понятия кончины и гибели, собственно, лишь один элемент: понятие преходящего. Похоже, что позднее средневековье не могло воспринимать смерть ни в каком ином аспекте, как в аспекте бренности всего земного

Три темы соединялись в мелодию немолчной жалобы о конце всего земного великолепия. Во-первых, где все те, кто ранее наполнял мир своим великолепием? Далее, мотив повергающей в трепет картины тления всего того, что было некогда людской красотою. И наконец, мотив пляски смерти, вовлекающей в свой хоровод людей всех возрастов и занятий.

По сравнению со вторым и третьим мотивами с их щемящим ужасом первый мотив былого великолепия был всего лишь легким элегическим вздохом. Мотив этот был весьма стар и хорошо знаком и христианскому, и ислам-

скому миру. Он возникает уже в язычестве древних греков, он знаком отцам церкви, мы находим его у Хафиза, к нему обращается Байрон. В период позднего средневековья к нему испытывают совершенно особое пристрастие...

Что же остается от всей этой людской красоты, от всего этого великолепия? Только воспоминание, только имя. Но горечи этой мысли далеко не достаточно, чтобы удовлетворить потребность в переживании острого страха смерти. И вот эпоха ставит перед собою зеркало этого зримого ужаса, этого прямо на глазах свершающегося исчезновения, истлевания плоти.

Человек средневековья, отвергнувший все земное, давно уже задерживал свой духовный взор на мрачной картине копошащихся червей и жалкого праха. В религиозных трактатах о презрении к миру богословы уже возглашали неотвратимость леденящих ужасов разложения. Лишь к концу XIV столетия изобразительное искусство овладевает этой тематикой, требовалась определенная степень реалистической выразительности для того, чтобы действенно запечатлеть ее в скульптуре и живописи, и к 1400 г это было достигнуто. Тема тщеты и смерти переходит к этому времени из чисто богословской литературы — в литературу, предназначенную для народа. Чуть ли не до XVII в на надгробиях все еще появляются разнообразно варьируемые отвратительные изображения обнаженных тел, охваченных тлением или иссохших и сморщенных, с вывернутыми в судорожной агонии конечностями и зияющим ртом, с разверстыми внутренностями, где кишат черви. И к этим ужасам умственный взор возвращается снова и снова. Не странно ли, что он так и не осмелился сделать ни шагу дальше, чтобы увидеть, что само тление также исчезает и прах становится почвой, цветами и травами?

Хейзинга Й. Осень средневековья.— М., 1988.— С. 149—152.

НОВОЕ ВРЕМЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Мишель Монтень

Смерть — не только избавление от болезней, она — избавление от всякого рода страданий.

Презрение к жизни — нелепое чувство, ибо в конечном счете она — все, что у нас есть, она — все наше бытие... Тот, кто хочет из человека превратиться в ангела, ничего этим для себя не достигнет, ничего не выиграет, ибо раз он перестает существовать, то кто же за него порадуется и ощутит это улучшение?

Монтень М. Опыты.— М.— Л., 1958.— С. 27.

Артур Шопенгауэр

Пред нами остается, конечно, только ничто. Но ведь то, что противится этому растворению в ничто, наша природа, есть именно только воля к жизни, которой являемся мы сами, как и она является нашим миром. То, что нас так страшит ничто, есть лишь иное выражение того, что мы так сильно хотим жизни и сами не что иное, как эта воля, и не знаем ничего кроме нее.

Но если мы от нашей личной нужды и зависимости обратим свои взоры на тех, которые преодолели мир, в которых воля, достигнув полного самопознания, вновь нашла себя во всем и затем свободно сама себя отринула, и которые ожидают только момента, когда они увидят, как исчезнет ее последняя искра и с нею тело, которое она животворит, то вместо беспрестанной борьбы и сутолоки, вместо вечного перехода от желания к страху и от радости к страданию, вместо никогда не удовлетворяемой и никогда не замирающей надежды, в чем и проходит сон жизни волящего человека,— вместо всего этого нам предстанет тот мир, который выше всякого разума, та полная тишь духа, тот глубокий покой, несокрушимое упование и ясность, одно только отражение которых на лице, как его воспроизвел Рафаэль

и Корреджио, есть полное и надежное Евангелие: осталось только познание, воля исчезла.

Шопенгауэр А. Мир как воля и представление // Антология мировой философии.— В 4 т.— М., 1971.— Т. 3.— С. 704.

Константин Циолковский

В крепком сне, когда жизнь еще далеко не угасла, животное почти ничего не чувствует, время летит незаметно, десяток часов пролетает, как одна секунда. Еще бесчувственнее существо в обмороке, когда приостанавливается биение сердца. Времени для такого состояния как бы совсем нет. Как же скрывается и бесследно исчезает время, когда не только сердце, но и весь организм расстраивается! Время есть субъективное ощущение и принадлежит только живому. Для мертвого, неорганизованного оно не существует.

Циолковский К. Э. Научная этика // Грезы о земле и небе.— Тула, 1986.— С. 366.

Станислав Гроф

Сравнительное изучение представлений о загробной жизни у различных народов и в разных религиях открывает их глубокое сходство. Это сходство прослеживается даже в тех случаях, когда до складывания эсхатологических верований их носители не имели доказанных контактов. Весьма примечательно совпадение некоторых тем, особенно общность двух важнейших полярных образов загробной жизни: обители праведников — неба или рая — места пребывания грешников — ада.

Основные эмпирические черты рая и ада всегда одинаковы: бесконечная радость и счастье рая и бесконечные муки ада, хотя формальная сторона этих представлений изменяется в широких пределах — от конкретных образов, напоминающих во всех важных проявлениях земное существование, до совершенно абстрактных метафизических построений. Не всегда ясно, являются ли образы, весьма конкретно запечатленные изобразительным искусством, буквальным и точным отражением представлений о загробной жизни или метафорами состояния сознания, которое трудно выразить

впрямую средствами искусства.

Современные исследования сознания предлагают новую интересную точку зрения на эту проблему. Во время психоделических сеансов, в спонтанных галлюцинаторных состояниях и в практике экспериментальной психотерапии возникают как экстатические и кошмарные состояния абстрактного характера, так и вполне конкретные видения неба и ада. Большое впечатление производит то обстоятельство, что иногда эти эсхатологические образы и символы имеют отношение к совершенно неизвестной субъекту культурной системе или абсолютно чужды его прошлому опыту.

Гроф С. За вратами смерти // Жизнь после смерти.— М., 1990.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Гностицизм — религиозное движение поздней античности, вылившееся в ряд раннехристианских ересей. Гностицизм притязал на знание особого таинственного смысла Библии, часто противоположного прямому. Оказал влияние на средневековые ереси и неортодоксальную мистику Нового времени.

Каббала (древнеевр.— предание) — течение в иудаизме. Возникло в IX в., развито в XIII в. Каббала основана на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может активно вмешиваться в божественно-космический процесс.

Культура — специфический способ организации и развития человеческой жизнедеятельности, представленный в продуктах материального и духовного труда, в системе социальных норм и учреждений, в духовных ценностях, в совокупности отношения людей к природе, между собой и к самим себе (античность, средневековье, Возрождение...).

Медиум — в мистической традиции посредник между миром «духов» и людьми, через которого в состоянии транса передаются «сообщения» умерших. В парапсихологии — человек с необычными («медиумическими») способностями: сверхчувственным восприятием и т. д.

Метемпсихоз (буквально — переселение душ) — религиозно-мифическое представление о перевоплощении души пос-

ле смерти тела в растения, животного, человека, божества. Характерно для древнеегипетских и индийских религий.

Мистика — духовная традиция, предполагающая непосредственное общение с божеством, со сверхъестественными силами.

Натурфилософия — философия природы, умозрительное истолкование натуры, рассматриваемой в ее целостности. Наряду с фантастическими представлениями в натурфилософии содержались глубокие диалектические идеи в трактовке природных явлений.

Пантеизм — религиозные и философские учения, отождествляющие бога и мировое целое. Пантеистические тенденции проявляются в еретической мистике средних веков, в натурфилософии Возрождения и материалистической системе Б. Спинозы, который отождествил понятия «бог» и «природа».

Прагматизм — субъективно-идеалистическое философское течение, в котором истина трактуется не как отражение объективной реальности, а как практическая полезность, удовлетворяющая субъективные интересы индивида.

Тантризм — направление в буддизме и индуизме. Возникло в первые века нашей эры, имеет тексты-тантры. В основе этой религиозно-философской концепции — идея человека-микрокосмоса и представление о некоем половом энергетическом начале.

Традиция — устойчивая и передающаяся от поколения к поколению тенденция внутри культуры, элементы социального и духовного наследия.

БАНК философских идей

На этот раз в разделе, посвященном творчеству читателей серии «Философия и жизнь», мы предлагаем вашему вниманию идеи, связанные с проблемами основной темы данного выпуска,— о смерти, высказанные на научно-практической конференции «Энергоинформационные процессы в природе и обществе» (г. Краснодар, сентябрь 1990 г.) доцентом Казахского политехнического института **А. Г. Пусько** и **Л. А. Быковым.**

В тезисах их выступления, которые были переданы редактору серии, наряду с темой смерти содержится освещение и ряда других проблем. Мы же остановим ваше внимание на изложении положений вышеуказанных авторов только по теме брошюры *.

О воскрешении тела и духа человека и о сути федоровского дела на стыке тысячелетий

Алогизм смерти породил у человека веру в возможность воскрешения людей.

Возникновению этой веры способствовали и другие причины. Вспомним, например, отмечают А. Г. Пусько и Л. А. Быков, известные многим легенды о зомби, тантризме, вспомним описания воскрешения Христа и множество других подобных случаев.

Суть воскрешения сводилась к тому, что жрецы совершали над телом покойного ряд ритуальных обрядов и произносили цикл заклинаний. Так, в Древнем Египте, Индии покойного раба клали на спину, а на грудь усопшего садился жрец (сильного телосложения). С помощью специальных приемов в теле покойного создавалось искусственное кровообращение. В это время другой жрец произносил за-

* Напоминаем, что публикация идей в Банке еще не означает того, что редакция разделяет все идеи, высказываемые их авторами.

клинания, помогая душе покойного вернуться в свое тело и начать исполнять свойственную ей функцию, в частности, вызывать сердцебиение и обеспечивать бесперебойный кроветок *.

Возникновение тока крови в теле создает первичный контур биополя людей. Прекращение кровообращения ведет к разрядке физического конденсатора бренного тела и к прекращению связи между телом и душой, наступает так называемая новая форма отдельного существования души и тела — смерть и их переход в иные измерения. Тело, разлагаясь, уходит в свой старый мир, а душа — в более тонкое измерение и во взаимодействие с тонким миром. Перемещаясь под воздействием солнца и земли, душа попадает на другие планеты Солнечной системы, где она обретает новые формы тела, соответствующие тем космическим частотам и полям, которые присущи каждой планете.

А. Г. Пусько и Л. А. Быков разделяют концепцию, согласно которой природа определила местом памяти не человеческий мозг, а его физическое тело, телесное биополе ДНК-белков. Головному же мозгу отведена роль полупроводникового переключателя сигналов в теле человека. Это не было известно жрецам в древнем мире, и они не могли вернуть людям память.

Эта проблема стоит и перед современными людьми. В наши дни в Индии тантриками осуществляется воскрешение людей. Сегодня, по мнению авторов этого материала, медицина стоит на пороге начала воскрешения усопших, когда имеется тело покойника и срок воскрешения не превышает семи дней. Дело же только за тем, что медики не знают некоторых тонкостей ритуала тантриков, которые позволяют возвратить усопшим ритм, необходимый для возврата памяти воскрешенным.

С ноября 1989 г. А. Г. Пусько и Л. А. Быков ищут пути духовного возвращения предков, тела которых давно аннигилировали. Это, по их мнению, позволит даже наших самых далеких предков, ушедших в иные миры и более 125 тыс. лет назад, воссоединить с сегодняшними землянами в еди-

---

* Ритуал воскрешения использовался жрецами для устрашения рабов, так как позволял узнать после смерти все об усопшем и наказать его публично сожжением вновь ставшего живым тела.

ное общегалактическое человечество. По их представлениям, еще более древние предки умели сами себя воскрешать (это-де были неандертальцы, волосатые люди, которых в наши дни встречают на земле как «снежных людей»)...

Всем народам известно событие воскрешения Христа. Явление Иисуса Христа народу — не досужий вымысел, а исторически достоверный факт, который нам дан, чтобы мы осознали, что умерший человек не умирает, а уходит в мир иной, унося с собой не только душу, но и тело. Появление Иисуса Христа в Иудее — результат того, что там дольше других рабовладельческих государств сохранялся зверский ритуал воскрешения рабов...

Философия Христа коренным образом отличалась от философии Понтия Пилата, ныне выдаваемого за римского наместника, в чем можно усомниться. Понтий Пилат считал, что все люди делятся на святых и скотов. Предательское убийство Христа своей изуверской изощренностью потрясло рабов Иудеи. Зная способы воскрешения и глубоко веря в необходимость этого, рабы воскресили Христа, не прикасаясь к его телу...

Явление Христа народу стало всемирно-историческим событием, которое люди помнят до сих пор, это вдохновляет их на веру в воскрешение и одновременно служит источником энергии памяти тем, кто расселился в мир иной.. Предки живут хорошо только благодаря энергии памяти В мир иной ушли миллиарды человеческих душ, которые поселились на всех 12 зодиакальных созвездиях Солнечной системы...

Сколько помнит себя человек, столько ходят легенды о существовании ведьм, колдунов, чертей, чудовищ, понять которые могут далеко не все. Сегодня их именуют полтергейстами, НЛО, снежными людьми и даже инопланетянами. Мы считаем, что это души наших предков, покинувшие землю по разным причинам»,— заявляют А. Г. Пусько и Л. А. Быков.

Главная же причина тому-де — неправильный образ жизни на Земле, а теперь — и на других планетах. Сегодня наши предки начали понимать, что неправильно живем не только мы, но и они... На Земле — культ личности человека, наши предки создали на небе культ жреца, нечто вроде совершенного венца природы, как считал себя Понтий Пи-

лат Всем уготовлен один путь — дорога в потусторонний мир очищения, т е. смерть бесконечное множество раз За 125 тыс. лет некоторые предки умерли не менее 12 раз Такова участь всех потомков Понтия Пилата и его сообщников.

Понимая это, с 1947 г наши предки предприняли регулярные массированные посещения своей родины Земли в форме НЛО. Их желание вернуться на родную Землю столь велико, что они готовы умирать на родине, оставляя свои прежние тела, чтобы дать нам возможность понять, что они тоже земляне, только без органов чувств (о чем свидетельствует у них отсутствие половых различий). Этим они как бы говорят нам, своим потомкам, что мы должны помочь им вернуть утраченные ими органы чувств, а они помогут нам вернуть утраченную нами способность воскрешения, а также научат использовать энергию разума, чем они овладели, уйдя в мир иной.

Пришла пора объединиться предкам и потомкам в одну единую цивилизацию нашей галактики, чтобы создать новый, более светлый мир, в котором будет место только добру для всего сущего во всем доступном для нас мире, считают А. Г. Пусько и Л. А. Быков. Чтобы не было деления на мертвых и живых, светлых и темных, на доброе и злое. Мир должен стать цельным и гармоничным, без отчуждения у одних и расточительства и переизбытка благ у других. Современным эксплуататорам трудящихся невдомек, что паразитический образ жизни, пресыщенность земными «благами», отбирает у них самое ценное, что дано людям,— саму жизнь и право бороться за ее процветание не только на Земле, но и во всей Вселенной.

Авторы рассматриваемой здесь концепции отмечают, что основной причиной, удерживающей наших предков от прямых контактов с нами, является боязнь сделать нам плохо (так как они не имеют органов чувств и, следовательно, не могут соизмерять свои действия с нашими возможностями). Вторая причина их боязни — отсутствие у землян веры в возможность и неизбежность воскрешения. (До недавнего времени идеи великого гуманиста Н. Ф Федорова о воскрешении предков упорно скрывались от людей.)

«Сделаем этот мир счастливым и радостным, ускорим его приближение нашей глубокой благодарностью к своим

предкам. Они этого заслужили по праву старших, давших нам жизнь. Сохраним и продолжим жизнь, прекратим безумное противостояние друг против друга и на земле и на небе. Это долг каждого потомка»,— призывают авторы вышеизложенных идей.

СТРАНИЧКА ФИЛОСОФСКО-ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ*

Александр Волгин-Понедельник (г. Воронеж)

Больно. Страшно. И необъяснимо.
Как же ты посмела, Соль-земля,
То, единственное, что любимо,
Оторвать до срока у меня?
Дорогая, я такой же нищий **,
Как и прежде, нежности твоей,
И кладбище это — не кладбище:
Золотой клад сердца моего.
Предо мною не надгробный камень
И не насыпь эта предо мной.
Предо мной весенний луг с цветами
И цветами — голос твой родной!
Это есть не это, только символ.
Ты там не грусти. И верно жди!
Дорогая, с воскресенской силой
Мы воскреснем! Встреча впереди!
Ах, не эта белая береза
Вознеслася в небо, эту высь —
Это я, почивший в Бозе,
Вознесенья жду в иную жизнь.
Философский камень извлекая,
Для тебя реку я, для себя:
Ты под камнем — для меня живая,
Я на камне — мертвый без тебя!

---

* В этой рубрике в порядке конкурса будут печататься философско-поэтические произведения наших читателей. (Объем — одна страница. Условия — как и обычно у нас в серии для конкурсных работ: они не рецензируются и не возвращаются, переписка — только по инициативе редакции.)

** Вероятно, здесь «нищий» означает «просящий, жаждущий». — **Прим. ред.**

СОВЕТУЕМ ПРОЧИТАТЬ

Что происходит с человеком, с его «Я» после смерти?

С развитием службы реанимации появилось довольно много людей, перенесших клиническую смерть, т. е. вернувшихся «оттуда», хотя первый дошедший до нас случай «оживления» человека, погибшего в сражении, был описан еще Платоном.

В этом плане интересны, например, опыты американского психолога, председателя Международной ассоциации трансперсональной психологии Станислава Грофа. Вводя человека в измененное состояние сознания, он как бы приоткрывает ворота в подсознательное. Испытуемый видит себя, скажем, парящей птицей или человеком, живущим в древней эпохе, и сообщает такие подробности, которые могут быть известны лишь немногим историкам и археологам.

Получается, что психологический эксперимент реален — такие переживания существуют. Но соответствуют ли они реальности? Религия утверждает — да. Наука до последнего времени говорила «нет».

То, о чем здесь очень кратко написано, частично уже нашло свое отражение на страницах брошюр серии «Знак вопроса», о многом еще предполагается рассказать. Заинтересованному читателю мы предлагаем познакомиться с вышедшими в этой серии брошюрами: Горбовский А. А. «В круге вечного возвращения?» (№ 4.— 1989), Дмитрук М. А. «Миры внутри нас? (№ 3.— 1990). В этих брошюрах, кроме интересных фактов и гипотез, вы найдете комментарии и мнения ученых. В 1991 г. готовится к изданию продолжение брошюры М. А. Дмитрука, а в 1991—1992 гг. планируется выпуск, целиком посвященный Бардо Тёдол — Тибетской «Книге мертвых».

Редактор серии «Знак вопроса»
Г. Г. Карвовский

Научно-популярное издание

О СМЕРТИ И БЕССМЕРТИИ

Гл. отраслевой редактор *Ю. Н. Медведев*
Редактор *Л. К. Кравцова*
Мл. редактор *И. В. Яковлева*
Худож. редактор *М. А. Гусева*
Техн. редактор *О. А. Найденова*
Корректор *Л. В. Иванова*

ИБ № 11590

Сдано в набор 09.01.91. Подписано к печати 29.03.91. Формат бумаги 70×108[1]/32. Бумага тип. № 2. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,80. Усл. кр.-отт. 2,89. Уч.-изд. л. 3,47. Тираж 121 820 экз. Заказ 27. Цена 25 коп. Издательство «Знание». 101835, ГСП, Москва, Центр, проезд Серова, д. 4. Индекс заказа 911004.
Типография Всесоюзного общества «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

25 коп Индекс 70085

Издательство «Знание»

Наш адрес:
101835,
Москва, Центр,
проезд Серова,4